

S-T-I-K-K-S

АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЕВ

ПРОЙТИ

ЧЕРЕЗ ТУМАН

ПО МИРАМ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО

S-T-I-K-S

Алексей Елисеев

S-T-I-K-S. Пройти через туман

«Автор»

2023

Елисеев А.

S-T-I-K-S. Пройти через туман / А. Елисеев — «Автор»,
2023 — (S-T-I-K-S)

Я — Илья Казанский, и это моя история. Бывший военный, уже успевший отвыкнуть жить по уставу и выполнять чужие команды. Старался никогда не брать на себя ответственность. Но вот однажды, я прошёл через странный туман. И это кардинально изменило мою дальнейшую жизнь. Теперь вместе с незнакомыми людьми, я вынужден бороться за жизнь во время зомбиапокалипсиса. Попав в череду странных, нелепых и пугающих событий, смогу ли я найти ответы на вопросы, которые ставят передо мной новые жизненные реалии? Хорошо бы, ведь именно от этого зависят наше выживание в чужом, мрачном мире, где человеческая жизнь идёт по цене патрона.

© Елисеев А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алексей Елисеев

S-T-I-K-S. Пройти через туман

Глава 1

Не знаю как должен начинаться апокалипсис, но мой личный конец света начался очень буднично. Можно даже сказать – скучно. Почему скучно? Потому что в употреблении алкоголя нету ничего весёлого. Пил один раз с другом, считай, что все остальные такие пьянки видел. Пил в компании, считай, что в компании тебе будет примерно так же как и в первый раз. Ну, с некоторыми вариациями, конечно. Однако эти самые вариации явно не стоят того, чтобы гробить свою печень и здоровье. Я так и делаю. В том смысле, что не пью, но есть такие случаи, когда без этого никак.

Как можно не заметить Конец Времени? Да, очень просто. Сейчас расскажу...

Накануне я крепко выпивал и пил не один, из-за этого, можно сказать, почти ничего не заметил. Сколько пил сказать сложно, но не меньше трех дней – это почти железно. Похмелье было особенно диким и сильным. Что для меня довольно нетипично. Здоровьем крепок. Пил алкоголь я нечасто и редко в больших количествах. Всегда предпочитал вкусно и плотно кушать, читать что-нибудь интересное и удобно, с комфортном, спать, но из любого правила есть исключения. Правда?

Моя мощная мускулатура слегка заплывла жирком. Нет, никогда не занимался культуризмом и не планировал, но превосходную наследственность и постоянные занятия спортом не скрыть. Фигура всегда была довольно атлетичной. Даже когда перевалил за сорокалетний рубеж, я оставался хорошо сложенным, но при этом не был обезображен муками фитнеса.

Никаких кубиков на прессе не имею, но при первом же взгляде на меня становится ясно, что перед вами далеко не слабак. Плечи широкие, шея мощная, торс имеет форму трапеции, сужающейся к талии. Никогда не хотел и не стремился сгонять подкожный жирок в погоне за рельефной мускулатурой, возможно это потому, что обычно был в кондиции свернуть в бараний рог таких вот «рельефных культуристов».

Однако, в моей жизни всегда присутствовал спорт. И случилось так, что очень долгое время спорт для меня был всем. Всё детство и отрочество я занимался самбо, а всю юность боксом, а в студенческие годы даже брал серьёзные спортивные призы. Юниорские награды за самбо до сих пылятся в ящике рабочего стола.

Ну, да... А где их ещё хранить? Это как школьная грамота за отличную учёбу. Никому кроме тебя неинтересна. На стенку не повесишь. Думаю, у каждого адекватного мужчины есть такой вот ящик стола. Где хранится что-то подобное. Юношеские награды и кубки, дембельский альбом, армейский берет или пилотка, какой-нибудь на фиг ненужный диплом об окончании курса программирования, а то и не один, свидетельство о разводе, коробка сигар, которые друг контрабасом протащил с самой солнечной Кубы. Спешл фор ю, бро. А как ты думал!? Ну, и непременно в том секретном ящике найдётся бутылка, как минимум хорошего коньяка. Для особых случаев, так сказать.

Вот, со звонкого и жизнеутверждающего звука – «чпок!» элитной пробки и начался наш трёхдневный марафон. Что-то я отвлекся. Давайте по порядку. Так о чём это я? Ага! О себе любимом.

В целом, обладаю обычной славянской внешностью. Глаза серые, волосы русые, нос картошкой. Последние несколько лет провёл на сидячей работе, и годы эти способствовали некоторому наращиванию совсем не мышечной массы, но в целом это почти не отразилось на мне. Как был, так и остался привлекательным и, даже, в чём-то, обаятельным мужчиной в самом

расцвете сил. Однако, нужно заметить, что к собственной внешности всегда относился с определённой долей пофигизма.

Если поймать меня в самый обычный день, я окажусь небрит, потому как бросил это дело, пока участвовал в Первой Балтийской Военной Компании. С тех пор, только ровняю щетину триммером, чтобы совсем уж не зарости до бровей диким волосом. На правах представителя свободной профессии ношу длинные русые волосы, собирая их в хвост. Свободная профессия ничего общего не имеет с самой древней профессией. Прошу не путать блогеров с девушками и юношами не тяжёлого поведения. О чём пишу? Да, в общем, ни о чём. У меня два популярных блога – о вкусной и здоровой еде и о политике. Оба приносят стабильный средний доход. А средний вдвойне – это почти зажиточный уровень.

Я вышел из электрички и сразу же вступил в лужу. Выругался, почувствовав, как летний кроссовок набрал холодной воды. Этот сентябрь выдался обманчиво аномально тёплым. Как обычно, загорелись костры рябин, пожелтели и частично опали листья, но бабье лето закончилось в первых числах октября. Стремительно похолодало. Как это обычно бывает в наших широтах, выпал затяжной косой дождь, а резкие порывы колючего холодного ветра заставляли сожалеть о том, что три дня назад не посмотрел прогноз погоды и выскочил по привычке в лёгкой летней ветровке и кроссовках-сеточках. Но кто мог знать, что так всё получится?

– Опоздываем! – командным тоном взбудрил похмельного меня друг.

Мы заторопились на поезд. Верней, заторопился он. Бодрый, позитивный, пахнущий одеколоном. Вот как так-то? Как у него так получается? Пил наравне со мной, если не больше, а спустя три дня алкомарафона он как огурчик, а я с бодуна.

– Не спеши, а то успеем, Мара... – промямлил я, начав напрягаться заданным темпом.

– Ты так про автобус говорил! И что?

– Что?

– Пришлось такси вызывать!

– Брось, через пятнадцать минут пришёл бы ещё один. Выехали мы все равно с запасом. Он скептически хмыкнул, но темп сбросил.

– Илюх, может со мной? – спросил Марат.

По тону я понял, что спрашивает он в последний раз. Марат – мой армейский друг, внезапно нагрянувший три дня назад. Ворвался он в мою размеренную, устоявшуюся, холостяцкую жизнь вихрем кипучей энергии. Высокий и поджарый брюнет с острым взглядом чёрных глаз. Его ни в коем разе нельзя было назвать симпатичным из-за крупных и резких черт лица, но было в нём, что-то такое... Что-то, что выводило его неизменно в центр женского внимания. В свою очередь, это вызывало во мне лёгкий укол зависти.

Но с этим только – понять, простить и смириться. Такой человек. Энергичный, харизматичный. Такого нельзя не любить, если он на твоей стороне и с точностью до наоборот, если он ваш враг. Потому как Марат весьма целеустремлённая личность. Словом, мой друг он такой. Никого не оставляет равнодушным.

– Нет, брат, я свою лямку оттянул...

Ответил ему, размышляя, а может, зря я отказываюсь. Что меня тут держит? В общем-то, ничего, если не считать двух блогов и счетов за квартиру. Так, может, и плюнуть на всё и рвануть с Маратом? Бросить всё к чёртовой бабушке, а оно тут как-нибудь всё само, без меня. Любой мужчина периодически нуждается в том, чтобы куда-нибудь отправиться. На охоту, рыбалку, войну, да в баню в конце-концов. Генетическое это у нас. Из дремучего и косматого каменного века. Женщины хранили очаг, за детьми и хозяйством приглядывали, а охотники уходили в снежную тундру. Охота – это только звучит весело. На самом деле, попробуйте посидеть или полежать в сугробе и посмотреть на снежную целину, когда она вокруг – на юге, западе, севере и востоке. А ведь сидели иногда по несколько дней за куцым тундровым кусти-

ком в ожидании оленя. Из-за этого мужская психика и обрела кое-какие особенности, просто для того чтобы охотники не сходили с ума.

Я старательно задавил в себе авантюрный порыв в самом зародыше, не давая ему раздуть пламя решимости. Ведь тогда меня никто и ничто не остановит от того, чтобы вскочить в вагон с Маратом.

Это начало октября выдалось особо паскудным. Третья Балтийская Военная Компания уносила всё больше и больше людских ресурсов. На этот раз корпорации стремились построить на дне морском газовый трубопровод, чтобы торговать беспрепятственно и беспощинно с Испанской Империей, но Балтийское Содружество было против. Вообще, тут нет ничего удивительного. Это их официальная политика – они всегда против Новгородского Директората.

Фины, скандинавы и прибалты начали боевые действия, утопив несколько торговых кораблей, Директорат ответил решительным противодействием и объявил дополнительный рекрутский набор. Марат уезжал как раз туда, в расположение.

– Ну... Как знаешь! – Марат хлопнул меня по плечу.

Я передал сумку другу. Устроившись в вагоне он вышел ко мне на перон. Закурил. Говорили мало. Было видно, что он мыслями уже там, ну, а я уже цинично думал о том, как и чем я займусь, когда мой друг умчит в голубую даль под стук колёс.

Миловидная женщина-проводник загнала, курящего третью сигарету брюнета в вагон, явно флиртуя с ним.

Так-то я не курю, но почему-то очень захотелось выкурить сигарету, именно в этот момент, когда остался один. Знаю – это вредно и, вообще, привычка-то малоприятная для окружающих. Многим попросту не нравится запах дыма. Да и привычка что-то сосать во время стрессов, она из детства. Нам всем чтобы мы не плакали, мамы давали титю. Мы этого не помним, но мы успокаивались. И сосали, сосали, сосали... Сосали соски, пальцы, конфеты, сигареты. Так, что со стрессом от расставания решил бороться иначе.

Вагон тронулся, а я двинулся рядом с ним пешком, стараясь сохранить зрительный контакт с широкоплечим брюнетом в камуфляжной военной форме, пока без знаков различия. Остановившись, долго смотрел на уходящий поезд, пока тот совсем не скрылся вдали. Внутри возникло сосущее чувство близкой беды и уверенность в том, что своего армейского друга видел в последний раз.

Со мной частенько так бывает. Есть предчувствие чего-либо, как правило, сильно нехорошего. Из-за этого в узких кругах я снискал славу пессимиста и мизантропа, но это не отменяет, что очень часто эти мои предчувствия оказываются пророческими.

Говорят, что путь назад всегда короче и проще, но перон показался мне намного длинней, чем когда мы торопились на поезд. Брёл, ссутулив плечи, сунув руки в карманы светлокремовой ветровки, ни на что и ни на кого не обращая внимания. Мысли ворочались с трудом словно стопудовые жернова, в висках похмельным колокольным набатом стучала головная боль. И с этим надо было что-то срочно делать.

Так и добрёл до прозрачных дверей к турникетам, установленными лет двадцать назад, чтобы не шастали всякие. Да... Чтобы войти на перрон и проводить друга я оставил в залог десятирублёвую купюру. Нечего топтать асфальт корпорации без оплаты. Хочешь провожать – плати. Получив свой червонец обратно, миновал турникеты, выйдя к прозрачным дверям с той стороны и замер.

За стеклом не было видно ничего, кроме клубов густого белёсого тумана, который упал на мостовую так быстро, что я не успел заметить как и когда это случилось. Ноздри уловили кислый химический запах.

– Газы? – поинтересовался охранник, топтавшийся тут для соблюдения порядка.

Я поднял глаза на мужчину.

Черты лица правильные. Тяжёлый волевой подбородок, губы тонкие, брови широкие. Нос прямой и длинноватый.

– Что? – заторможено поинтересовался я, – В смысле, не химическая ли это атака?

Он смутился.

– Ну... Да...

Я ухмыльнулся, и медленно роняя слова, пояснил:

– Нет, браток, это не химическая атака. Смотри туда...

Я указал на пару десятков голубей, увлечённо клюющих шелуху от семечек.

– Голуби, – согласно кивнул он, – И что из того?

– Птичке много не надо, – ответил я вяло, – Передохли бы уж все.

– Ааа... – понимающе протянул охранник.

– Химическое оружие бывает нервно-паралитическим и удушающим. Поражающим кожные покровы давненько уже не пользуются, – пояснил я спокойно, – Так, что первыми бы попали насекомые, а потом бы и голуби уже сдохли, да и люди там ходят. Смотри...

Я мотнул головой, указывая назад на перрон, и тут же пожалел об этом. Голова не вытерпела такого хамства с моей стороны и снова разболелась. Собеседник посмотрел на меня с уважением. Да, я такой. Может выгляжу, как тугодум, но в голове кое-что имеется.

– Откуда тогда этот кислотный запах? – вновь задал вопрос охранник.

– Да, я-то откуда знаю, – ухмыльнулся я в ответ и предположил, – Наверное, выброс какой-то с химического производства.

– Из вашей Москвы последнее время всё производство вынесли за город...

Я молча пожал плечами и накинул капюшон чёрной толстовки. Идти через туман не хотелось, но разговорчивый охранник мне откровенно надоел. Понимаю, что топтаться на одном месте целый день та ещё работёнка, но и я не нанимался развлекать этого верзила.

На «нашу» Москву захотелось сказать, что-нибудь резкое, или даже дать в морду, но промолчал, лишь плечами пожал. Явно новгородец или ещё откуда-то, понаехал в наш город торгашей. Какого собственно и на фиг ты тут нужен? Не нравится, так, смазывай лыжи и гребни отсюда кролем. Но нет... Будет стоять на дверях и тихо-тихо ненавидеть «нашу» Москву и нас москвичей.

– Где тут рюмочная? – резко перевёл я тему разговора.

– Тебе какую? – уточнил он, – Чтобы не отравиться или нормальную?

– Чтобы отравиться, блин! Нормальную, конечно...

Верзила кивнул своим мыслям с таким видом, словно у него бином Ньютона между ушей дебет с кредитом свёл.

– Смотри, выходишь и налево. Держись левой стороны, метров через триста в конце площади будет.

– Спасибо, браток.

– Бывай, бродяга! – фамильярно хлопнул меня по плечу верзила.

На этот раз удержался с трудом, чтобы не сунуть кулаком ему в печень. Ненавижу, когда меня трогают. Тем более без разрешения, тем более другие мужики.

Туман постепенно рассеивался. За дверями химический запах стал ощутимо сильнее. Хулиганские порывы ветра, гнавшие по асфальту обрывки упаковочной бумаги и газет рвали белёсую взвесь с противным запахом на клочья и уносили прочь. Обрывки тумана уходили словно нехотя, с такой ленцой, подтверждая, что никакая это не водная взвесь. Пар он совсем не такой. Совсем экологию доконали в последние десять лет. Пока добрёл до рюмочной, от тумана с едким запахом и следа не осталось.

По пути заметил, что нигде нет света. Видимо, электричество кончилось. Наверное, авария случилась. Хотя давненько такого не припомню в Первопрестольной. На Москву можно

гнать сколько угодно, и часть из этого точно окажется правдой, но вот с коммунальными удобствами у нас здесь полный порядок.

Холодный червяк плохого предчувствия снова шевельнулся в животе. Что за ерунда происходит?

– Водки «Столичной» двести пятьдесят грамм, – сделал я заказ у скучающего огромного грузина, – И борща тарелку.

– Харашо, дарагой, – флегматично ответил тот, – Борщ, только, халодный. Давай шашлык тебе падам?

– Договорились, – не стал ломаться я и показал два пальца, – Тогда двойной шашлык.

– Карты не принимаем...

Огромная волосатая ручища указала на лампочку.

– Ага, понял, – ответил я, роясь в карманах в поисках залогового червонца, – Света нет...

Сколько?

– Два рубля сорок копеек...

Ну и цены... Выудил десятирублёвую купюру и получил сдачу.

Водка была такая холодная, что графин, в который хозяин перелил жидкость, содержащую этиловый спирт, покрылся слоем инея. Пока ждал шашлык, выудил из кармана смартфон и попытался полистать ленту новостей. Было интересно, что случилось, но сеть не ловилась. Что вообще происходит?

Это всё-таки мегаполис. Припомнить подобное я вообще не могу. Это не Сибирь и не Гималаи. Покрытие есть практически везде. Даже в метро есть своя сеть. Нет, я, конечно, давно на Петроградском Вокзале не был, но чтобы на площади Трёх Вокзалов мобильная труба не ловила ни одного из операторов... Так! Стоп! Может, это только моя мобила забарахлила? Из списка контактов выбрал Марата и набрал – неудача. Ещё несколько номеров, тот же самый результат.

Глава 2

Монотонный гомон невеликой толпы в рюмочной внезапно оказался нарушен группой вошедших товарищей в необычной военной экипировке. Компания состояла из нескольких мужчин средних лет и аккуратной блондинки с кукольным личиком и точёной фигуркой. Мужики бородатые, жилистые, движения скупые и хищные, голоса глухие, тихие, взгляды тяжёлые. Такие взгляды бывают у людей, неоднократно убивавших в ближнем бою. Смотрятся как стая волков среди отары бургеров. Всё это выдавало в них тёртых парней. Тут не надо быть Шерлоком, чтобы понять – от компании прямо-таки смердит опасностью и проблемами. Каждый из них, включая блондинку, был одет в пятнистую военную форму защитного цвета, но не нашу привычную, а в странную, словно пиксельные квадратики нанесены на ткань с помощью цифровых технологий. Из-за этой особенности взгляд с пятен камуфляжки соскальзывает, не цепляется.

Я решил, что давно перестал следить за военной модой, но если не считать странной формы, во всём остальном их компания была похожа на ветеранов-волонтёров, движущихся на Северный фронт, как и мой друг.

– Братцы, – спросил их, улыбнувшись, – Подскажите старому фельдфебелю, что со связью приключилось?

От меня не укрылось, что рука одного из цифровых скользнула в карман, словно у него там что-то есть такое, что сможет меня озадачить.

– Отчего ж не подсказать фельдфебелю, – прыснула смешком блондинка и легко пояснила, – Авария. Минут двадцать как уже ни света, ни связи.

– Что случилось? – поинтересовался я у кукольной женщины, – Случайно, не знаете?

Про себя я уже окончательно решил, что они такие же, как и Марат резервисты, добивающиеся в расположение. Вот только удивила красивая женщина в компании камуфляжных парней. Не то чтобы у нас женщины не служат. Служат и ещё как, но вот, обычно их служба от нашей отличается. Или мне показалось, что кукольная их боевой товарищ?

Да нет, непохоже. У меня, на такое взгляд, намётан.

– Не знаем, – с улыбкой развела руками пиксельная, – Сами ждём, когда вызванное такси приедет, тогда и уберёмся отсюда.

Для того чтобы понять, что она темнит, было достаточно пересчитать компанию по головам. Их семеро. Шестеро крепких мужчин среднего возраста и одна миниатюрная женщина. Для такси многовато. А ещё, один из камуфляжных заулыбался. И неприятно так... Словно знает что-то такое, что мне неизвестно и испытывает по этому поводу немалое чувство собственного превосходства.

Подошёл с заказом тучный кавказец и разорвал зрительный контакт с пятнистой группой. Передо мной появилась тарелка с приличной кучкой горячего ароматного мяса, изрядная порция жареной картошки и нарезка из маринованных овощей. Увидев это изобилие, даже мысли о завышенных ценах отпали. Но сначала...

Я аккуратно налил себе в гранёную пятидесяти граммовую рюмку на резной ножке.

– Фельдфебель, – в пластиковый стул без разрешения приземлилась кукольная, – Угости девушку.

– Я незнакомых девушек не угощаю, – ответил я, ухмыльнувшись, – Маменька была против.

– Маменька плохому не научит, – покивала она и вернула ослепительную улыбку, – Кали. Женщина протянула руку через весь стол для рукопожатия.

– Позывной? – осторожно поинтересовался я, пожимая руку.

– Вроде того. А ты кто будешь?

– Илья. Илья Казанский.

– Витязь, значит?

– Типа того, – вернул фразочку я, – Типа вот и познакомились.

– Так что? Угостишь девушку?

– Со всем желанием, – степенно кивнул я, – Камрады твои из-за того, что я тебя угощаю не огорчатся? А то, мне таких суровых парней расстраивать не с руки.

Она стрельнула глазами в сторону столика, за которым обосновалась прибывшая компания цифровых.

– Нет, – отрицательно мотнула головой блондинка, – Не огорчатся. У нас с ними деловые отношения.

Я пожал плечами и поднял руку, подзывая хозяина. Тот не заставил себя долго ждать.

– Дама хочет сделать заказ, – пояснил я и указал глазами на Кали и обратился к ней, – Заказывай.

– Каждый раз, когда мне говорят «грузинское вино» или «грузинская кухня» мне хочется плакать, – противореча своим словам, голубоглазая блондинка улыбнулась, – И отнюдь не из-за того, что я опечалена. – Принесите, пожалуйста, бутылку Саперави и сырную нарезку.

– Да, – кивнул кавказец, – Канечно. Есть авечий и козий сыр.

И был таков. Повисла пауза, во время которой голубые очи неожиданной компаньонки изучали меня. Так, пристально-пристально, что я смутился и чтобы не показать этого задал вопрос:

– В расположение?

– Что? – удивилась собеседница, выныривая из известных только ей мыслей.

– Вы в военной форме. Предположил, что едете на Северный фронт в расположение своей воинской части...

– Ааа, неет! – беззаботно улыбнулась она, – Мы не солдаты, а скорей охотники.

– Вот как? – попытался я вытянуть больше информации.

Но подошёл владелец с заказом, не оставляя мне шанса расспросить Кали, что за охота такая, и какого зверя нужно промышлять, чтобы понадобились позывные. Вообще, зверюшек я очень любил. Особенно тех, которые в лесах живут. Их и так мало осталось, а тут ещё охотники...

– За знакомство! – звонко произнесла тост собеседница, поднимая бокал.

– За знакомство...

Я поднял рюмку со столичной, мы чокнулись. Через секунду крепкий ледяной алкоголь уже провалился в желудок, а чтобы ему там одному не было скучно, принялся обеспечивать ему компанию, поедая соленья, картошечку и пашлык. Горячее, ароматное мясо было особенно хорошо. Живот возрадовался и заурчал так громко, что мне стало неудобно. Поднял взгляд на Кали, но та только мило улыбалась, потягивая грузинское вино.

Налил себе ещё и предложил тост:

– За здоровье.

– Тебе сейчас не помешает, да? – хмыкнула она и поддержала, – Твоё здоровье, солдат.

– Унтер.

– Что? – удивилась собеседница.

– Унтер-офицер, – уточнил я, – Фельдфебель – это младший офицерский состав.

– Угу! Твоё здоровье, фельдфебель.

Я опрокинул рюмку. Внутри разливалось тепло, и в голове стало стучать намного слабей.

– Слушай, витязь, а ты прибухиваешь, так, хорошо да? – с задорной улыбкой спросила блондинка.

– Ты меня совершенно не знаешь, – спокойно ответил ей я, – Я, ведь тоже могу сразу несколько ярлыков на тебя прилепить.

Камуфляжная в притворном изумлении распахнула глаза.

– А ну-ка? – задорно подбодрила меня собеседница.

– В русском языке есть обращение на «ты» и на «вы». Ты с ходу обратилась ко мне на «ты», это можно было понять, если бы ты была, как и я когда-то связана с военной корпорацией, но ты сама сказала, что вы не военные, а охотники.

Я прервался на то, чтобы прожевать кусок сочного и ароматного мяса.

– А ещё? – её улыбка, вопреки моим ожиданиям, не только не зачихала, а наоборот потеплела на пару градусов.

– Ещё? Ещё ты упала за мой столик без разрешения, чем нарушила мои личные границы и попросила тебя угостить.

– Что в этом предосудительного?

– Ничего, – ответил я с набитым ртом, – Ничего, кроме нарушения личных границ. А это нам говорит...

Мои вкусовые сосочки снова ощутили вкус мяса, а в голове появился вопрос – «зачем?». Зачем я с ней связался!?

– О чём? – глаза Кали прямо-таки излучали благодушный интерес.

– О боевитости, – спокойно закончил фразу я, – И... хабалистости.

Камуфляжная сделала глоток грузинского и ничего не сказала. Она молчала с минуту или даже дольше. Видимо, давая понять, что обиделась, но потом, либо решила простить меня, либо у неё лопнуло терпение, либо она не дождалась неких действий, которые я, по её мнению, должен был совершить.

– Вестники судьбы всегда себя так ведут, – наконец серьёзно изрекла она, – Я и подошла к тебе именно за этим.

– Кали – богиня смерти из пантеона индусов вроде, – изумился я, – Где тут связь с судьбой?

– Давай погадаю? – внезапно предложила она.

– Ручку позолотить нужно? – ухмыльнулся я.

Блондинка скрасила мою трапезу и развлекла беседой. Сейчас, видимо, покажет фокус.

– Нет, – простецки махнула она рукой, – Хватит того, что угостил меня таким вкусным вином.

Она завладела моей ладонью и начала всматриваться в линии. Хватка миниатюрной и аккуратной блондинки оказалась вовсе не женской. Узкие ладони были сухи, длинные, изящные пальцы цепки и сильны. Провела пальцем по самой длинной линии на ладони, и изрекла:

– Линия жизни у тебя длинная, витязь...

Ни разу не верю в хиромантию, но решил подыграть блондинке.

– Это хорошо? – ухмыльнулся я.

– Уж для кого как, – хмыкнул она с сомнением, – Некоторые из нас рождены для счастья, изобилия и беззаботной жизни, путь других наполнен свершениями, испытаниями и потерями.

– Вот как? – изобразил я деланное удивление.

– Именно, – серьёзно кивнула собеседница, – Ты из вторых, Илья. Недавно ты преодолел гигантский путь, но сам этого не заметил, а в скором времени тебе предстоит увидеть падение твоего старого мира, страшные события и ужасных существ...

Эта игра нравилась мне всё меньше и меньше. Пророчество звучало жутковато. Не скажу, что я суеверен или воспринял серьёзно эту бабью блажь. Скорей слова блондинки упали на благодатную почву моих собственных предчувствий.

– Интересно... Например, какие события? – поинтересовался я, – Нужно же знать, к чему готовиться и как вернуться домой.

Камуфляжная подняла на меня взгляд и серьёзно ответила:

– Обратно домой, Илья, уже никак. Боюсь, что мы все застряли накрепко. События опасные и страшные, но ведь у тебя имеется боевой опыт. Ты должен с ними справиться...

– Кали! – прилетел громкий окрик со стороны двери в заведение, – Заканчивай забавляться со свежим! Время!

Меня назвали «свежим», что немного удивило. Это показалось настолько странным, что заставило меня ещё больше обалдеть от всей этой ситуации.

– Уже иду! – ответила она, но руку мою не отпустила, – Прислушайся к моим словам, витязь, и береги себя.

Распрямылась блондинка, словно упругая пружина. Отпустила меня и пришла в движение, из-под стола достала огромную и яркую спортивную сумку, опустила её на пол рядом со мной. О плитку что-то металлически звякнуло. Не может быть, чтобы цифровые везли с собой своё оружие и боеприпасы через Москву. Или может? Сидел в полной прострации. Всё, что происходило сейчас, было каким-то сюрреализмом, знал бы я, что ждёт меня дальше!..

– Выживи, – она достала из бокового кармана сумки брошюру и сунула мне в карман ветровки, – Всё чем могу, Илья. Спасибо за вино и береги себя.

Кали протянула ладошку для рукопожатия. По привычке сжал её сухую, узкую ладошку. Больше ничего не говоря, блондинка легко подхватила свой огромный баул без видимых усилий и упругой походкой вышла из кафешки. Спустя минуту её след простыл, растворилась в толпе и была такова.

Широкоплечий грузин повесил на дверь табличку закрыто. Заметив, что сморю на него, словно извиняясь сообщил:

– Решил сегодня раньше закрыться, – развёл руками он, – Кухня работает на электричестве, только мангал на дровах...

Кивнул ему в ответ, мол, всё понял и начал доедать. Тут и правда готовили вкусно и подавали качественный алкоголь. Доел даже сыр, который почти не тронула Кали, только тогда почувствовал себя сытым и довольным. Налив себе последнюю рюмку, отсалютовал ею грустному хозяину и опрокинул в себя. Расплатился, поблагодарил его за вкусную еду и вышел.

Пока я сидел, в кафешке погода изменилась. Ветер унялся, дождь закончился, тумана не наблюдалось. Над головой свинцовым потолком нависала низкая облачность, но заметно потеплело. Почему-то солнышко, сейчас скрытое за тучами, ощутимо пригревало мне затылок, хотя, если ориентироваться только по времени, должно быть, где-то высоко в зените. Или я провёл за грузинской кухней немного больше времени, чем планировал?

Достал из заднего кармана потёртых джинсов смартфон и посмотрел на время. Почти половина двенадцатого утра. Немного рановато для заката. Решив, что пора и честь знать, я направился обратно на Петроградский. Скорее домой, к горячему душу, обжигающему кофе и удобному ортопедическому креслу! Мутные глубины интернета ждут свою акулу пера.

Естественно, автоматы по продаже билетов не работали. Электричества-то нет! Это заставило народ столпиться у касс. Очереди сказали о том, что кассиры не справляются. Люди между собой переговаривались, что электрички тоже не ходят по той же причине, по которой не работает всё остальное. В здании вокзала воцарилась духота. Ясно.

Кондиционеры тоже не работают. Не укрылось от меня и большее чем обычно количество жандармов, прогуливавшихся среди толпы двойками. Народ вёл себя нервно.

Посмотрев на всё это безобразие и поразмыслив, решил, что доберусь домой позже, а пока погуляю где-нибудь в центре Москвы. Это намного лучше, чем сидеть в душном помещении с нервными людьми.

Многие не любят наш город, но он по-настоящему прекрасен. У меня есть любимые места, которые посещаю реже, чем хотелось бы. Решил, что сегодня мне выпал шанс наверстать упущенное. Некоторым необходима компания и общение, мне же совсем не скучно наедине с

самим собой. Могу днями и неделями не испытывать дискомфорта без общения с себе подобными, довольствуясь лишь книгами.

Вышел из древнего здания Петроградского вокзала и спустился по широкой лестнице.

Внимание привлекло неадекватное поведение нескольких водителей, устроивших нечто вроде игры в догонялки на проспекте за площадью. Было довольно далеко, но слух отчётливо уловил визг тормозов, отчаянные сигналы, удар и звук, разлетевшегося вдребезги стекла. Поднес левую ладонь козырьком к лицу, попытался разглядеть, что там стряслось, но в это момент кто-то робко подёргал меня за рукав.

Мой внимание сосредоточилось на маленькой глазастой азиатке лет двенадцати-тринадцати.

– Что? – удивился я.

– Дядя, дай копеечку, – жалобно попросила она, – Очень кушать хочется...

Почему бы не помочь ребёнку? Но что-то царапнуло меня в этой просьбе.

– Кушать хочется? Пойдём, я куплю тебе еды, – предложил я, – Только чур, кушаешь всё при мне. Идёт?

– Идёт! – закивала она.

За время короткого диалога я успел рассмотреть девочку. Ботинки на высокой подошве, широкие бесформенные штаны, толстовка и куртка на три размера больше. Вся одежда с чужого плеча и явно куплена не в модном магазине. Если вообще куплена.

– Где твои родители? – поинтересовался я.

– Наш дом разбомбили, дядя.

– Откуда ты?

– Я из Киргизии.

Всё сходилось. Там недавно катком по человеческим судьбам прокатилась война.

– Как ты оказалась здесь? – задал вопрос снова я.

– Села на поезд и приехала...

– Родители с тобой приехали?

– Да! – почему-то заулыбалась она.

– А где они?

– Они всегда со мной!

Девочка порылась во внутреннем кармане необъятной куртки и выудила на свет фотографию двух молодых красивых людей.

Мужчина в строгом чёрном костюме и женщина в свадебном белом платье. Фотограф запечатлел мгновение счастья. Они улыбаются.

– Это хорошо, – потрепал я по плечу девочку, – Идём дальше. Вон, видишь? Лавочка «Хот-Дог»?

– Да...

– Куплю тебе там самую большую булку с самой огромной и вкусной сосиской.

– Спасибо, дядя! – она снова засуетилась, пряча фотографию.

Девочка улыбнулась, а я понял, наблюдая за ней, что у девочки явно не все валты в колоде. Где-то в глубине души меня кольнула игла сострадания. Война не место для детей, тем более для девочек.

В кафешке было несколько посетителей, не считая тучной женщины продавца в смешном белом накрахмаленном переднике и того же цвета кружевной пилотке, которая удивительно не сочеталась с её голубыми волосами, уложенными в высокую причёску. Добавьте к этому яркую помаду для губ, голубые тени для век и поймёте, что передо мной предстала не кто иная, как Мальвина пенсионного возраста.

– Здравствуйте, – бодренько поздоровался я, – Дайте, пожалуйста, самую большую булку и самую сочную сосиску.

– Здравссь, – поздоровалась Мальвина, – Могу предложить хот-дог с сарделькой.
Кивнул ей и попросил одну.

Глава 3

– Электричества нет, – сказала продавщица куда-то в пространство, глядя мимо меня, – Подогреть не смогу. И ещё – мы банковские карты не принимаем. Электричества нет.

– Будешь холодный хот-дог? – задал я вопрос девочке.

– ...

Но её перебила Мальвина.

– Он не холодный, а тёплый. Ничего не успело остыть.

– Ты будешь тёплый хот-дог? – спокойно повторил я.

– Да! – ответила киргизка и сглотнула слюну.

Пока голубоволосая валькирия готовила шедевр быстропита, спросил у девочки:

– Как хоть тебя зовут-то?

– Аня...

– А я Илья.

– Ваш заказ, – процедила женщина, – С вас пятьдесят две копейки.

Вот где цены... не укрылось от меня, что она словно специально игнорирует девчонку.

– Спасибо.

Я положил перед Мальвиной рубль и передал еду девочке.

– Где ж я вам сдачу-то найду! – снова потребовала моего внимания продавец в пилотке.

– А с этим какие-то проблемы?

– Вот народ! – нервно взвизгнула женщина,

– Конечно, проблемы! У нас обычно расплачиваются карточками, денег в кассе нет!

На самом деле ситуация нормальная, а женщина права, но не понравился мне её визгливый скандальный тон. Я был готов уже расстаться с рублём, а теперь из принципа, пойду менять.

Поменять рубль не составило проблемы в соседнем магазине, где были рады избавиться от мелочи. Когда же вернулся, увидел странную картину, ставшую изюминкой этого странного дня.

Аня сидела... Под столом! В заведении быстрого питания ради экономии пространства столы были вделаны прямо в стены. Вот под одним таким и сидела девочка, привалившись к стене спиной. Щёки её были набиты, она с наслаждением жевала гигантский хот-дог.

Улыбнувшись, подошёл к Мальвине и расплатился с ней копейка в копейку. В кармане набралось изрядно мелочи, и я решил – отдам всё Ане. Брать себе домой девочку я был не готов, ещё меньше был готов принять участие в судьбе явно нездорового ребёнка. Хотя, это, конечно, был бы поступок настоящего мужчины, но поделюсь мелочью, чтобы хоть как-то ей стало полегче.

Обернулся вовремя, чтобы увидеть то, что заставило закипеть моё похмельное сознание. Если бы был предохранительный клапан, то все окружающие услышали бы свист.

Худой и рябой нескладный парень лет девятнадцати сидел на соседнем от того места, под которым жевала Аня. Его нога в тяжёлом ботинке покачивалась совсем рядом с девочкой, как вдруг изменила траекторию и ударила ей в лицо. На мгновение я потерял дар речи.

– Ай! – воскликнула девочка и, зажимая разбитый нос рукой, выскочила на улицу.

– Ах, ты!...

Это уже я выдохнул, но дальше слов не нашёл цензурных. Сам не заметил, как оказался рядом с рябым, схватил его за грудки, вздёрнул вверх. Парень оказался дрыщем и легко оторвался от пола. Его стул полетел в сторону.

– Ты что творишь, паскуда? – прорычал я ему вопрос.

– Я случайно! – завопил он полузадушенно, ворот замшевой куртки перетянул ему горло, – Пусти!

Внутри всё ещё плескался адреналин, больше всего хотелось дать рябому в морду, но я не решался это сделать. У меня поставленный удар бывшего боксёра, а парень оказался вблизи подростком лет шестнадцати. Сложно сказать, что с ним сделает мой прямой в челюсть. Рябое лицо накидывало несколько лет, но ломающийся голос и субтильное телосложение выдавали его.

– Он на работе. Отпустите его, – в наш интеллектуальный диалог вступила Мальвина, говорившая сейчас спокойней, чем, в первый раз, – Этот ставит таких Ань на точки попрошайничать. Если он не сделает дневную норму, его и без вас поколотят.

Я перевёл затуманенный яростью взгляд на женщину. Она кивнула мне.

– Да, – подтвердила она, – Мы видим тут этих Ань годами. Они все наркоманки. Попрошайничают, пока не вырастают в девушек, потом – на панель.

– Она же просто больной ребёнок, – прохрипел я, но начал опускать парнишку, – Какая проституция?

– Самая обычная, – ответила мне голубоволосая женщина, – Вы спровоцировали его, сняв попрошайку с точки.

Слова Мальвины не отменяли того, что рябой ударил в лицо ребёнка, но и весь мой боевой запал пропал. Этот тощий, рябой парнишка сам жертва. Вообще непонятно, почему из мирного и уважаемого меня сегодня так и прёт агрессия... И паранойя. Ну, выключили свет, ну, подседа за стол долбанутая женщина и это заставило меня потерять контроль над собой. Такие случаи начались, кстати, после контузии, полученной ещё в юности. Как ни крути, это травма головного мозга. Пока трезвый, это не даёт никаких последствий, а вот сейчас под ударной дозой крепкого алкоголя передавились какие-нибудь там важные сосуды в голове, и всё, получи обострение.

– Пусти...

Морда рябого совсем уж нехорошо покраснела. Я опустил его, аккуратно расправил замурзанную коричневую курточку.

– Ещё раз ударишь ребёнка – найду, – почти ровно пообещал, успокоив дыхание, – Внял? Парень испуганно кивнул.

– Угу...

Может, я не вполне нормальный? Нет. Я нормальный. Это не я расставляю попрошаек по точкам, и не я пинаю их в лицо ботинком.

Вышел вслед за Аней на улицу. Зашагал в направлении проспекта, именно туда убежала девочка. Почему я отпустил чахлого? Если бы сломал ему челюсть, не доказал бы ему равным счётом ничего, да и Аня не испытает облегчение. Чего бы я добился? Проблем для себя и девочки. Ей бы отомстили за своего травмированного коллегу. Избиение в таких шайках малолеток, самое мягкое наказание. Меня скорей всего за буйное поведение приняли бы жандармы. Электричество кончилось только в проводах, но не в рациях служителей Фемиды. Так что даже при попытке скрыться они в состоянии устроить полноценную загонную охоту.

Увы, я не могу спасти всех, как бы мне этого не хотелось. Но могу догнать Аню и... И что? Да, хотя бы поучаствовать и дать денег, чтобы уезжала домой. Дома у неё есть хоть какие-то шансы. Жить иностранкой в корпоративной республике... Да, уже больше шестидесяти лет Новгородский Директорат управляется как бизнес. Представители корпораций входят в совет директоров, а все службы, вроде жандармерии или пожарных приватизированы. Малолетке-иностранке у нас ничего не светит.

Погружённый в тяжёлые, впрочем как и сама голова мысли, я дошагал до проспекта, где за углом фасада вокзала и обнаружил девочку, привалившуюся спиной к стене и смотрящую вдаль. Выражение крайнего изумления на её лице заставило меня посмотреть в ту же сторону.

Вообще, я не трус, но то, что увидел, чуть не заставило расслабиться мой мочевой пузырь. По Каланчёвской улице с огромной скоростью нёсся... неслось чудовище, которого нет и не может быть в нашем мире!

Здоровенная туша, бугрящаяся асимметричными мышцами больше под стать бегемоту или слону, но ни слон, ни бегемоты не обрастают костяными щитками и не имеют таких неприлично больших клыков и когтей в таком количестве.

Бегемот не выглядит культуристом, глядя на него сразу понятно, существо опасно, но не дразни и не подходи к нему близко, и всё будет нормально – это травоядное животное. Бегемоты не охотятся ради мяса, а этот жуткий монстр, которому нет названия, занимался именно этим. С грохотом откидывая мешающиеся на пути легковые автомобили, по четырёхполосной дороге метался этот чудовищный ящер. Залитая кровью тварь пировала. Она хватала замешкавшихся прохожих передними когтистыми конечностями, хватала пастью, демонстрируя чудеса координации, скорости и дьявольской ловкости.

Я протёр глаза. Когда страх отступил, пришли мысли о белой горячке.

– Аня! – окликнул я девочку, – Ты это тоже видишь?

Она подпрыгнула от неожиданности.

– Кто это? – задала она вопрос.

– Надо уходить! – решил я, получив подтверждение своей вменяемости, – Да брось ты уже этот недогрызенный хот-дог!

На вспышку моего раздражения маленькая азиатка, только больше скорчилась у стены, напомнив нахохлившегося воробья.

В паре метров от нас стоял мой ровесник.

Мужчина с пышными усами в длинном сером плаще. Он достал из кармана смартфон и начал снимать происходящее.

– Расслабься, мужик, – серьёзно проговорил он, тщательно маскируя насмешку, – Это съёмки кино. Таких туш в нашем мире не может быть. Кислорода в атмосфере мало.

Видимо, мой дикий взгляд, брошенный в ответ, был достаточно красноречивым, чтобы он пожал плечами и отвернулся.

– Аня, тут опасно, – я взял девочку за руку, – Если ты не пойдёшь со мной, я уйду один. Хот-дог можешь взять...

Слова возымели место, и подросток не стала отдёргивать руку, позволив себя увести.

Торопливым шагом мы пересекли Петроградскую площадь в противоположном направлении монстра и нырнули на одну из второстепенных улиц. Тут не было ничего необычного, кроме одной большой пробки и полного отсутствия электричества, но как только до нас донёсся скрежет металла, я свернул во дворы. Так, торопливым шагом, мы двигались по дворам ещё с пару кварталов. В голове билась только одна-единственная мысль, что такие огромные и активные существа в нашем мире невозможны.

Усатый с телефоном был прав. Всевозможные гигантские формы жизни, динозавры и бронтозавры были возможны только благодаря сумасшедшему количеству кислорода в атмосфере, тропическому климату и ещё массе всяких условий, которых сейчас на Земле нет.

Мысли панически металась в голове, периодически рикошетом отскакивали от стенок моего больного черепа. Мы вышли из двора, чтобы пересечь очередную улицу и тут я увидел странное.

Внешне это не отличалось от нашей Москвы никак, но сознание, натренированное замечать всякие нестыковки, подало сигнал опасности. Мы остановились. Я заставил себя успокоиться.

– Куда мы идём? – пискнула Аня, – Мне больно руку. Отпусти, пожалуйста...

Я спохватился и разжал свою вспотевшую от волнения ладонь.

– Мы уходим от опасности, – выразил я свои сумбурные мысли, – Твориться что-то ненормальное...

– Папа спрашивает, – не унималась Аня, – Что мы будем делать, и куда ты меня ведёшь.

– Анечка, помолчи пока, пожалуйста, – вздохнул я, – Сейчас разберёмся, что и куда.

Потом папе скажем.

Я задумался. Действительно, а куда дальше? Но собраться с мыслями мне не дала снова Аня. Девочка подёргала меня за рукав и указала пальчиком с обгрызённым ногтем на одну из машин.

И тут до меня дошло. Большинство автомобилей, застывших, в переулке пусты. Да, и их состояние... Загаженность птицами и слой пыли на стёклах скорее указывают на то, что транспорт стоит тут уже не меньше чем пару недель. А вот в машине, на которую указывала Аня, сидел водитель, но с ним как и со всеми машинами было что-то очень и очень не так. Я неуверенно сделал несколько шагов по направлению к машине и сердце ухнуло вниз. Это не может быть правдой. Мои глаза, наверное, меня подводят. На деревянных негнущихся ногах подошёл к машине и дёрнул ручку распахивая дверь со стороны водителя и обомлел.

До того как стать зомби, это существо было крашенной рыжей женщиной средних лет, но сейчас за рулём иномарки сидел зомби, тянущий ко мне руки, клацающий зубами и противно урчащий. Если с протягиванием рук и клацаньем зубами было всё ясно, не для обнимашек и французского поцелуя их тянет, то вот это утробное урчание... Оно было совсем нетипичным. Такого звука я никогда в жизни не слышал. Если люди произносят звуки на выдохе, то зомби эта урчала на вдохе, и голосовые связки тут были явно ни при чём.

– Дамочка? – попытался наладить с ней контакт я, – Алло... Есть кто дома?

Никакой реакции, только не сводит с меня страшных желтушных нечеловеческих глаз.

– Мне страшно, – пискнула из-за спины Аня, – Давай уйдём отсюда, Илья. Мне кажется, эта тётя на меня нападёт.

– Да, я тоже так думаю...

Ещё одна странность. На этом переулке стояли одни иномарки. Отечественных машин не было видно, а у нас, вообще-то, лет сорок назад ввели такие налоги на ввоз иностранных автомобилей, что сейчас их можно встретить очень редко. Глаза всё больше выхватывали странностей. Например, названия магазинов и товаров были на причудливой смеси английских и русских слов.

Распродажи тут назывались англоязычным словом «Sale», а магазины были или бутиками, или шопами. Это было странно, до жути.

– Пошли, Ань...

Девочка пнула ботинком дверь иномарки, вероятно, собираясь захлопнуть зомби в машине снова, но не тут-то было. Раздался шлепок и отчётливый хруст. Я обернулся и увидел, что удар дверью сломал зомби пару пальцев. Тональность твари изменилась, словно боль заставила её бодрей соображать. Первый белый кроссовок встал на асфальт.

– Аня, отойди оттуда! – крикнул я.

Но было поздно. Девочка повторно пнула дверь. Удар! Ещё более злобное и яростное урчание в ответ.

Второй белый кроссовок зомби встал на асфальт. Что нашло на это девчонку? Киргизка резко распахнула дверь и от души врезала своим ботинком в голову зомби, отскочила.

– Что ты творишь? Уходим!

Девчонка отскочила от машины, едва избежав цепких рук зомби, и засемила ко мне довольная собой, но не видела, что происходит за её спиной. Существо, ещё недавно бывшее женщиной, опустилось на колени, проскользнуло под ремнём безопасности и неуверенно поднялось на ноги.

Я понял, что вечер перестаёт быть томным и развернулся к зомби левым плечом. Первые шаги существа были неуверенными, но с каждым следующим шагом, оно ускорялось. Нас разделяло метров десять, на преодоление которых у зомби ушло секунд тридцать. Не чемпион по скорости.

Вообще, воспитали меня так, что бить даже то, что отдалённо напоминает женщину, не могу. Поэтому и встретил противника не сокрушительным прямым в челюсть, а задней подсежкой – приёмом из самбо, который заключается в том, что подсекается одна из ног противника сзади. Опередить с захватом рук, увернуться от клацающих челюстей и провести подсечку удалось почти чисто. Упала мертвячка страшно! Даже я, привычный к жестокости человек, испытал что-то вроде фантомных болей. Ни один человек после такой встречи затылка с асфальтом не встал бы. А этой ничего! Начала вставать.

Тут словно плотину прорвало. Всё накопившееся раздражение и страх словно резко разжались во мне пружиной, заставив наброситься на странную рыжую тётку. Пинал я её несколько минут, несколько себя не сдерживая. Увидав, что мои действия не производят никакого эффекта, кроме косметического, кровь, как оказалось, у зомби тоже красная, решил, что пора переходить к радикальным мерам. Рядом стояла довольно тяжёлая урна для мусора, которую я поднял, в несколько ударов размозжив голову зомби.

– Илья...

Робко начала дёргать меня за рукав Аня.

– А?

– Смотри, там ещё...

Я обернулся и выругался. С главной улицы метрах в трёхстах от нас в переулок зашло четыре шатающихся зомби, бредущих со скоростью рыжей в нашу сторону. Вечер окончательно перестал быть томным! Если они все точно такие же, как эта первая автомобилистка, то у нас с Аней проблемы. У этих ребят медлительность и туповатость компенсируются упорностью, цепкостью и непробиваемостью.

Пока одну запинал упарился, а тут сразу четверо! Не знаю как там у зомби с гендерными различиями, но эти все четверо мужчины, причём по крайней мере, у двоих из них одежда заляпана подозрительными тёмными пятнами. Что делать?

Ясно, что нужно убегать. В фильмах про зомби, заражение передаётся через укус. Вот и нам не надо, чтобы нас покусали, но нужен хоть какой-нибудь аргумент. Что если зомби встретятся внезапно?

Я метнулся к распахнутой машине рыжей мертвячки. Должно же быть хоть что-то! Топорик, лопатка, монтировка, блин, мне даже молоток сейчас подойдёт! Багажник оказался закрыт. Я метнулся в салон. В салоне стоял непередаваемый запах засохшей мочи, а ключи зажигания нашлись там, где их оставила хозяйка – в замке. Несмотря на адреналин, стучащий в висках, решил заглянуть в бардачок. Ура! Бинго! Пистолет незнакомой марки, но по виду серьёзный!

Глава 4

Я быстро разобрался, как выщелкнуть магазин. Десять патронов, калибр для пистолета десять миллиметров совсем неплох, вот только пули... резиновые. Пистолет травматический! А с виду-то, как настоящий автоматический!

Расстроился, но сунул в карман ветровки и оббежал машину. В багажнике нашлась небольшая лопатка, но она не тянула на оружие ближнего боя от слова совсем. Подозреваю, что и откопаться ею будет настоящей проблемой. Хлипкая и тонкая деревянная рукоять еле держалась на двух загнутых гвоздях. Штык лопатки в два раза уже, чем у привычной сапёрной. Брать не стал.

– Аня, не отставай!

Я двинулся дальше.

– Мне страшно, – пискнула из-за спины Аня, – Давай на вокзал вернёмся.

– Нет, – сказал как отрезал я, – Там огромные звери, а тут обычные зомби. Не робей Анечка, прорвёмся.

– Илья, мне очень-очень страшно, – начала канючить девочка, – Тут совсем людей нет, только эти...

Она мотнула головой в сторону бредущих дёрганой походкой зомби.

– Давай к людям пойдём.

В это время я решил изучить содержимое багажника другой машины, стоявшей неподалёку. Закрыт! Обошёл ещё несколько с тем же нулевым результатом.

Мертвяки в это время сокращали дистанцию. Моторика движений этих четверых была неестественной и чужой. При первом же взгляде на них возникло впечатление, что это не люди идут, а совершенно чуждые существа, которым неуютно в человеческих телах и они делают всё возможное, чтобы научиться в них двигаться. Словно кукловод дёргал за незримые нитки марионеток. Движения из-за этого неуклюжие, нелепые, дёрганные, резкие.

Нужно бежать, пока эти нелепые страшилки из третьесортных ужастиков не нагнали нас, но я решил осмотреть ещё одну перспективную машину, заметив приоткрытую дверь у большого чёрного внедорожника.

И Фортуна улыбнулась. На заднем сидении лежала бита для американской игры. Забыл, как она называется, но янки с упоением играют в подобие нашей лапты и даже строят огромные специальные стадионы. Я однажды видел в записи одну из игр и был удивлён тем, что огромная толпа болельщиков забила все трибуны. Никак не мог взять в толк, что в их игре такого интересного? С другой стороны, я и футбол не жаловал, как и все командные виды спорта, предпочитая понятные единоборства.

Без размышлений и колебаний, я завладел битой, показавшейся мне довольно лёгкой. Даже засомневался, а хватит ли удара такой дубинкой, чтобы надёжно вырубить зомби. Рыжая, переродившаяся тётка, не показала никаких чудес ловкости и скорости, но вырубить её оказалось по-настоящему трудной задачей.

Оценив расстояние до ковыляющих к нам зомби как метров в пятьдесят, решил ещё осмотреть багажник и салон внедорожника, но увы, в этом автомобиле нашелся только домкрат и запаска. Никаких топориков или лопаток, которые мне сейчас были интересны. Ключи были в замке зажигания.

Странности копились. Извилины вяло зашевелились в похмельной голове. Что тут произошло? Почему хозяин бросил далеко не дешёвую машину с ключами зажигания? Переродился в зомби? Может, это он сейчас идёт к нам с той стороны улицы со страшным стеклянным взглядом? Внедорожник выглядит крепким. Почему не попытался объехать пробку по

тротуару? Или мозги поплыли, и он разучился водить? Рыжая дамочка разучилась же отстёгивать ремень безопасности и открывать дверь, так и осталась заточённой в свою нероскошь.

Бросил взгляд на приближающихся зомби. Метров сорок. Повернул ключ. Приборная панель ожила и погасла, двигатель и не подумал подать голос. Ясно. Эта машина стояла и работала на холостом ходу, пока не израсходовала весь запас топлива.

– Аня, уходим! – бросил я девочке.

– Может, спрячемся в магазине или доме? – подала голос девочка, – Я плохо себя чувствую. Голова болит и пить очень хочется.

– Сначала надо оторваться от этих бодрых парней, – подмигнул я, всматриваясь в её лицо, – Если они будут долбиться в дверь это лишнее внимание. Зачем нам это? Давай вернёмся, и я расскажу жандармам, что здесь происходит.

– Не надо, – испугалась Аня, – Ты забил рыжую, как ты докажешь, что она была зомби?

Я кивнул, а ведь и точно. Она права. Как? С чего это я так туго соображаю. Оглянулся. Зомби близко. Надо уходить. И мы пошли, но не тем путём, каким добрались до странной улицы, а свернули через пару домов во дворы. Как я не торопил девочку, быстрее она не могла. Как следствие, зомби тоже не отставали. Мы уже нырнули во дворы, когда у моей спутницы развязался шнурок. Близость четверых парней, сверлящих нас голодными глазами напрягала, но я начал к ним привыкать. Стоило мне немного расслабиться, как один из наших преследователей, сорвался с места и побежал. На нас побежал! Если бы тональность его урчания не изменилась, я может, обратил бы на него внимание слишком поздно. Хватило времени, чтобы замахнуть и треснуть набегающего зомби прямо в лоб.

Удар получился таким, как будто ударил по пустой голове. Аня не выдержала и засмеялась, а я разозлился. С первого удара не удалось его вырубить. Пока зомби лежал на асфальте и тряс головой, ударил его ещё несколько раз, и этого хватило, чтобы успокоить резвого. И это было хорошо. Плохо то, что во время последнего удара бита сломалась у ручки.

Не знаю, может, спортивный инвентарь был поддельный или с браком, а может, эти биты янки делают специально такими хрупкими, чтобы граждане не лупили ими друг дружку почём зря, но отбросив огрызок палки, я остался почти лицом к лицу с тремя голодными зомби.

За спиной истерически хохотала киргизка, а один из зомбаков сорвался в спринт. Бежал он резво, но я успел вытащить травмат и выстрелить с пары шагов ему в голову и сделать шаг в сторону, пропуская набравшее скорость тело. Проконтролировал, развернулся. Двое оставшихся зомби не ускорились. Я перевёл дыхание и подумал, что зря я не уехал с Маратом. Иметь за спиной надёжного друга всегда намного полезней, чем невменяемую девчонку, уже ставшей мне обузой.

– Аня!..

Она продолжала заливаться хохотом.

– Очнись, пора идти.

Я не выпускал из поля зрения обоих зомби и не пропустил момент, когда они ускорились. На этот раз пришлось открыть суматошный беглый огонь, потому что попасть в голову с первого раза у меня не получилось. Возможно, рука дрогнула, но скорей всего дело в самом гладкоствольном пистолете, только выглядящим солидно, а на деле...

– Брось оружие! – раздался сзади грубый окрик.

Я развернулся. Метрах в пятидесяти от меня стояло трое. Городовой и двое жандармов усиления. Усиленный патруль был экипирован по законам военного времени. Жандармы в кевларовых шлемах с прозрачными, затемнёнными забралами, бронежилетах, даже налокотники и наколенники имеются, вооружены пистолетами-пулемётами под пистолетную девятку. Городовой словно в насмешку над бойцами усиления был в папахе, гимнастёрке, галифе, хромовых сапогах, при шашке и револьверной кобуре на португее, только карабин Злобина со всей этой формой позапрошлого века, здорово контрастировал.

Дульный срез недвусмысленно был направлен в мою сторону.

Что мне оставалось? Отбросил травматический пистолет.

– На колени! – последовал следующий приказ, – Руки за голову!

Истерический смех Ани перешёл в не менее истерические рыдания.

Я подчинился, встал на колени и заложил руки за голову. Сейчас меня будут вязать и валять в чистой куртке по асфальту. А как иначе?

Скорей всего, патруль болтался где-то на соседней улице, потел из-за веса тяжёлой амуниции, матеря усиление, как вдруг, послышались хлопки пистолетных выстрелов. Что остаётся делать? Им по службе необходимо реагировать на такое. Вот они и отреагировали. Пришли. И что они увидели?

А увидели они похмельного и не очень трезвого меня с пистолетом, отстреливающегося от безоружных гражданских, и девочку в истерике. Что они могли подумать? Выглядит всё не в мою пользу.

Патруль неторопливо, настороженно приближался, страшный ствол крупнокалиберного КЗ-12 смотрел прямо на меня.

Нет, пистолеты-пулемёты под пистолетную девятку это тоже страшно, но не настолько, как творение сумрачного гения маэстро Злобина. Двенадцатимиллиметровая пуля из такого карабина может запросто оторвать конечность или разнести голову в неаппетитные брызги.

– Стоять! – зычно скомандовал усатый городской, кому-то вне поля моего зрения, – Стой стрелять буду!

Один из жандармов так и остался контролировать меня, а городской и второй жандарм выстрелили в два ствола одиночными. Чтобы не попасть под шальную пулю, я как мог съёжился.

– Стоять! – снова последовал приказ на невнятную возню за моей спиной, – Стой, стрелять буду!

Вновь рявкнули выстрелы.

Контролировавший меня жандарм облизал губы и скупым движением перевёл свой пистолет-пулемёт в режим автоматического огня. Стоять на коленях спиной к неизвестной опасности у меня за спиной было невыносимо. Инстинкты диктовали драться или бежать, но это было сейчас смерти подобно. Жандарм, который меня держит на мушке, по неочевидным признакам нервничает.

Я действовать не мог, чего не скажешь о заливающейся слезами моей спутнице. Та бросилась, размазывая слёзы, и спряталась за спинами патрульных. Патрульные выстрелили ещё несколько раз и, забыв обо мне, пошли посмотреть на результаты.

– Фу! – по молодому голосу из-за спины я понял, что заговорил жандарм, – Этот обгадился...

– Нет, – сурово ответил городской, – Он уже бежал с полным бомбовым отсеком.

– Серьёзно?

– Я на клоуна похож? – одёрнул своего юного коллегу городской, – Я вообще человек очень серьёзный.

– Извините, Василий Петрович, – по бодрому голосу было неслышно, что жандарму хоть немного жаль, – Виноват.

Городской подошёл ко мне шагов на пять.

– Кто такой? – сурово спросил он.

– Илья Казанский, господин городской, – ответил я, – Приехал на Петроградский проводить армейского друга, отбывавшего в распоряжение.

– Пистолет откуда? – резко он задал следующий вопрос.

– Взял из автомобиля...

– Вашего личного автомобиля? – перебил городской.

– Никак нет, – неожиданно для себя ответил я чётко и по-армейски, – Уводил девчужку от вокзала и увидел, что водителю плохо, подошёл поинтересоваться всё ли в порядке. На нас напал водитель, который уже не был человеком.

– А кем был?

– Зомби, Василий Петрович, – мне стало скучно отвечать на очевидные вопросы, целью которых была моя проверка на адекватность, – Я действовал в целях самообороны.

Городовой принохался.

– Пьян?

– Никак нет, – снова чётко ответил я, – Последствия после вчерашнего.

– Что было вчера?

– Провожали друга в расположение.

– Ясно, – Василий Петрович повесил КЗ-12 на плечо и подкрутил ус, – Вставай, Илья.

Документы есть?

– Спасибо.

Я поднялся, но руки из-за головы убирать не стал.

– Служил? – ухмыльнулся мой визави в усы.

– Так точно, – ответил я, – Первая Балтийская военная компания, фельдфебель, морская пехота.

– Опускай руки, моряк, – махнул он рукой, – Что, происходит, разобрался?

– Если честно, – ответил, отряхивая джинсы и передавая свой паспорт городовому, – Нет. Совсем не понимаю, что происходит. Ерунда какая-то...

Периферическое зрение уловило движение, и я резко повернул голову, чтобы заметить огромную серую тень, метнувшуюся в сторону патруля.

Обострённые недавней схваткой рефлексy, не подвели. Ушёл рыбкай с траектории движения опасности, но упал на газон неудачно, отбив плечо.

Василий Петрович успел сорвать карабин с плеча и сделать несколько неприцельных выстрелов, после чего КЗ-12 замолк. Жандарм открыл огонь на расплав ствола, но длинная суматошная очередь захлебнулась.

Оглушительно завизжала Аня. Второй боец усиления поступил как я, он скрылся между двух гаражей, начав отстреливаться оттуда. Всё это сопровождалось громким злым урчанием.

Наконец, я выглянул из-за куста, чтобы оценить ситуацию. Девочки нигде не было видно.

Василий Петрович отходил. Горло разорвано, ладони пытаются зажать бьющую толчками ярко-алую кровь, которой на пыльный асфальт уже натекла изрядная лужа. Минута, может, две при такой кровопотере, и всё. Помочь городовому я уже не смогу, как бы этого не хотел. Стрелявший в паре с городовым жандарм лежит и дёргает ногами с неестественно вывернутой шеей.

Серокожий, двух с половиной метровый монстр на человека походил слабо, разве что только тем, что у него две руки, две ноги и голова. Но даже в этом он больше походил на огромную гориллу. Если бы горилла имела нижние конечности с дополнительным суставом. Неудивительно, что он успел около сорока метров из-за угла пробежать так быстро, что никто ничего, по сути, не успел сделать. Стрельбу открыть открыли, а прицелиться не успели.

Я понял, что жив только благодаря тому, что этот здоровяк пытается втиснуться в узкий проём между гаражами, откуда отстреливается последний выживший жандарм. Голова существа бугрилась костяными наростами, что делало её скорей похожей на причудливо-уродливую раковину экзотического морского гада. Пасть была скорей похожа на акулю, из-за того, что была огромна и в ней красовался частокол жёлтых клыков.

Многоугольные пластины роговых наростов защищали голову, грудь, верхнюю часть спины и груди. При первом же взгляде на этот биологический доспех становилось понятно, почему пистолетная девятка тут не пляшет.

Передние конечности были заметно более развиты, чем нижние. К тому же на них, помимо ужасных когтей, росли характерные костяные шипы. Может из-за этого, возникла ассоциация с гориллой. Но нет, самец гориллы, хоть и в состоянии порвать человека пополам, а кажется плюшевой игрушкой по сравнению с этой образиной.

Небрежным размашистым ударом лапы, монстр обрушил часть стены гаража и стремительно ринулся в щель. Заорали от ужаса жандарм и Аня. Это определило мой выбор, если до этого ещё думал, что мне делать дальше, сражаться или бежать, то теперь ясно понимал – бросить эту несчастную девчонку на съедение не смогу.

Но что мне делать? Что я могу?

Если что и могло причинить хоть какой-нибудь ущерб этой биологической машине убийства, то это карабин Василия Петровича. При мне он выстрелил из него четыре раза, что значит, в коробчатом магазине оставалось шестнадцать патронов и может быть один в стволе, но это не точно. КЗ-12 для меня машинка известная. С таким же точно я служил и всё в нём хорошо, кроме его веса. Компактный карабин под дозвуковой патрон мощного калибра 12,7 на 55 миллиметров весил прилично. Даже без глушителя и интегрированного гранатомёта. Вопрос в другом, смогут ли мощные патроны заставить приунуть этого здоровяка?

Проверить это можно было только опытным путём. Тихо ступая, я подошёл к уже отошедшему Василию Петровичу и поднял оружие. Ощувив тяжесть карабина в руках, состояние, близкое к панике, сменилось мрачной решимостью. Это наш город, наша страна. Будь ты хоть Кинг-Конг, хоть Годзилла, убивать наших людей в нашей стране, это уже за гранью добра и зла.

Жандарм снова начал стрелять. Свои кроссовки я выбирал в том числе и за мягкость их подошвы. Осторожно ступая с пятки на носок, неслышно прокрался к оптимальной, на мой взгляд, позиции и опустился на одно колено.

Не может такого быть, чтобы такой мощный патрон не угомонил этого мерзавца. Выбрал целью затылок и заднюю сторону шеи, а именно место, где сходились пластины природной брони, образуя щель. А что за этим сочленением? Правильно, за ним шейный отдел позвоночника. Я не знал ни одной твари, которая смогла бы сохранить бодрость, если бы ей перерубило позвоночный столб.

Глава 5

Пожалел, что карабин Василия Петровича был без интегрированного подствольного гранатомёта. Если монстра не возьмут пули, можно было бы попробовать успеть выстрелить ещё и гранатой. Да, осколки могут посечь или убить Аню и жандарма, имени которого я так и не узнал, но это всяко лучше, чем быть сожранными заживо этой серокожей образиной. Сложней всего было успокоить дыхание. В конце концов, я его просто задержал, тщательно прицелился и начал стрелять.

Карабин привычно лягнул отдачей в плечо. Пуля попала в затылок. Это было хорошо видно. Во время бесконечно долгого мгновения, тварь вздрогнула всем телом и упала, зарываясь тяжёлой мордой в землю. Страшные конечности ещё с минуту конвульсивно подёргивались, оставляя борозды на асфальте, после чего агония закончилась. В наступившей тишине, я всё ещё не верил, что дело решилось одним-единственным удачным выстрелом. Тварь выглядела несокрушимой и неуязвимой.

Хотел выстрелить для верности ещё один раз, но из-за угла полуразрушенного гаража появилась растрёпанная, заплаканная, раскрасневшаяся Аня. Без слов она пробежала расстояние, разделявшее нас, и со слезами бросилась мне на шею.

– Он меня закинул в щель... Илья! – всхлипывала тихонько она, захлёбываясь рыданиями, – А сам потом... Илья! На меня навалился... А чудовище! ... Илья!

Я осторожно поднялся с колена и неуклюже обнял хрупкую девчонку одной рукой.

– Тихе-тише, Анечка, – попробовал успокоить её я, – Где жандарм?

Из новой порции всхлипываний я понял, что он ранен, и поспешил посмотреть, насколько всё плохо.

В узкой щели между гаражами скверно пахло непередаваемым амбре общественного туалета, свежей крови, разлитой неизвестно когда соляжкой и стрелянным порохом. Плохо это не то слово. Нужное нецензурное слово произнёс себе под нос несколько десятков раз, пока вытаскивал жандарма из щели, в которую он забился.

Тварь достала его всего лишь один раз. Икра, совсем ещё молодого парня была развалена вдоль до кости. Что делать с такой раной, я не представлял. Верней, представлял. Первое – наложить жгут выше места повреждения, написать на бумажке время и сунуть её под жгут. Второе – вызвать карету скорой медицинской помощи. Всё. Дальше не нужно лезть своими грязными руками в раны, всё, что необходимо – дождаться квалифицированных врачей, и пусть проблемой занимаются профессионалы. Но что делать, когда твой мобильник не ловит ни одной сети?

В который раз за сегодня помянул северного пушного зверя и принялся мастерить из своего ремня на бедре бойца жгут.

– Мне крышка, – слабым голосом пожаловался мне бледный как смерть жандарм, – Прекрати возиться со мной, спасайся сам, спасай девочку...

– Тебя как звать? – резко перебил я.

– Кочанов. Сергей Кочанов...

– Прекращай истерики, Серый! – рявкнул в лицо ему и затянул жгут, – Прорвёмся!

Он заорал от боли.

Мобильная связь накрылась медным тазом. Неизвестно, когда появится и появится ли вообще, но рации жандармерии должны быть работоспособны.

Попытался воспользоваться их штатным средством связи, но на всех каналах царил тишина, разбавляемая треском статических помех.

– Связи нет после тумана, – слабым голосом пояснил Сергей, наблюдавший за моими манипуляциями, – Это война?

– Серёга, – посмотрел ему в глаза я, – Ты взрослый человек, жандарм. Какая война? С кем?

– Но туман был с каким-то запахом...

– Брось, боевая химия валит наповал. Да и не знаю я ни одной армии мира, чтобы напускали на неприятеля Годзил.

– Годзил? – удивился Кочанов.

– Неважно, – отмахнулся я, – Есть такая кино-страшилка в Великом Княжестве Японском, но это неважно. Где ближайшая больничка? Попробую тебя туда доставить...

Сергей что-то начал соображать, но планы изменились. Хлопнула дверь подъезда, и из соседнего дома показалась женская фигура. Помня о своих уличных боях без правил с рыжей зомби, я немедленно вскинул карабин и взял её на прицел. Пока я соображал, что крупный калибр лучше приберечь и воспользоваться пистолетом-пулемётом, женщина подняла руки.

– Обзовись! – потребовал я.

За зомби пока не наблюдалось способности связно говорить.

– Аксинья Попова, – ответила остановившаяся женщина, – Хирург. Наблюдала из окна своей квартиры, как вы стреляли по зомби и всё остальное тоже. Вышла оказать помощь раненому.

– Хорошо, – опустил карабин и представился я, – Илья Казанский.

Аксинья занялась своими прямыми обязанностями. Осмотрела раны, то и дело качая головой. В это время я изучил её.

Высокий лоб, чуть вытянутое лицо, прямой нос, широкие брови, пухлые губы и внимательные, яркие, зелёные глаза.

– Хотела бы сказать, что рада знакомству, но нет. Не рада...

Голос женщины был глубокий, с хрипотцой.

– Понимаю, – соврал я, – Пациент скорее жив, чем мёртв?

Выбившаяся прядь волос из-под капюшона худи, дала представление о том, что передо мной брюнетка.

– Он погибнет, если прямо сейчас его не зашить, – обломала мою плоскую шутку хирург, – Помогите мне поднять его к себе в квартиру.

– Так, может в больничку его...

Засомневался в адекватности Аксиньи я.

– Нет, – отрезала она, – Они не успеют доехать. Пробки видели какие? А вы не успеете его донести на себе, даже если побежите бегом. Нужна операция прямо сейчас, а вы тратите время.

– Понял! – я начал примеряться к тому, как взвалить парня на себя, – Серёга, сейчас будет больно...

Жандарм стоически перенёс то, как я его взвалил на спину словно мешок и понёс следом за женщиной. Тащить пришлось на девятый этаж. Жандарм был в бронежилете и шлеме при оружии, а это всё добавляло лишние килограммы.

Уложив раненого на предусмотрительно расстеленную полиэтиленовую плёнку на полу, сам чуть не свалился рядом, но нужно было шевелиться.

– Анечка, помоги тёте Аксиньи и слушайся её во всём, – попросил я, – Я скоро вернусь.

– Нет, Илья! Не уходи...

– Аня! – окликнула хирург, готовую снова разрыдаться девочку, – Помогите мне снять ботинок с Сергея.

Так, вроде бы, все при деле. И мне не имеет смысла сидеть на заднице. Снова вышел в подъезд, спустился. Осторожно выглянул наружу. Ситуация без изменений. Сначала снял португую с городского и нацепил на себя. После этого занялся вдумчивым мародёрством убитого жандарма, не забывая бросать настороженных взглядов по сторонам.

Происходит что-то крайне странное и страшное. И мне уже три раза было нужно решать возникшие проблемы при помощи оружия.

Пусть меня посадят, когда всё закончится, но до этого момента нужно ещё дожить. Снял с жандарма всё: бронезилет, шлем, разгрузку, пистолет и пп «Гепард». Даже рацию, нагрудный видеорегистратор и те снял. Запись с камеры может стать оправданием моих действий, если попаду под суд.

В заключении мародёрки, я оттащил оба тела на газон, закрыл им глаза, сложил на груди руки. С минуту постоял, прощаясь с парнями. Как ни крути, они погибли при исполнении, а это достойно уважения. Жалко, что я больше никак не могу отдать им дань уважения, но с другой стороны, могу помочь тому из них, кто ещё жив.

Встрепенулся от услышанного резкого хлопка запираемой двери балкона с другой стороны дома, обернувшись, не успел заметить в какой квартире. Свидетели, мать-его! Наверняка будут пробовать вызвать жандармов. Да и хрен бы с ними, все равно связи нет!

Что нужно раненому после операции я точно не знал, но это совершенно точно антибиотики, перевязочные материалы и болеутоляющие, а на странной улице с застывшей пробкой из иномарок, я видел аптеку, там что-то точно должно быть. Бодрым шагом направился туда. Уже на искомой улице встретился с двумя медленными зомби, бесцельно стоящими и бездумными взглядами таращащимися в разные стороны.

До моего появления они просто стояли на тротуаре и раскачивались, но стоило мне появиться в поле зрения одного, как тот сразу подал голос.

Урчанием первый мертвяк привлёк внимание второго, и они вместе принялись медленно, но целеустремлённо ковылять в мою сторону. Некогда мне было возиться с этими двумя! Перевёл режим огня на стрельбу одиночными и вскинул к плечу жандармский «Гепард», но мысль о том, что боеприпасы могут пригодиться для чудовищ, заставила меня закинуть оружие за спину и обнажить шашку.

С этим оружием я обращаться не умел от слова совсем. Попробовал пальцем острière, да пару раз взмахнул, привыкая. Баланс и острота меня удовлетворили. На нашей территории шашки – это вершина эволюции длинноклинового оружия. При известной сноровке таким можно развалить человека от плеча до задницы. Главное – не увлекаться уколами и парированием. Значит, будем рубить.

Первый мертвяк выставил руки и приближался ко мне, увешанному оружием как новогодняя ёлка игрушками. В очередной раз он подтвердил мои собственные догадки, что эти медленные, умишком скорбны. Я примерился, длинный клинок оружия свистнул. Отступил. Оценил эффективность собственного удара. Зомби осел. Немного не дорубил шею. Так... А что если так? Свист, удар, урчание затихло. Голова второго мертвяка покатила по мостовой. Шашка показала себя с наилучшей стороны. Неплохо. Отёр клинок об одежду одного из мертвяков и вернул его в ножны.

Аптека была открыта, и внутри никого не оказалось. Нашёл всё кроме спирта, но в изобилии обнаружилась перекись водорода и йод. Болеутоляющего в ампулах тоже нашлось немало. Прихватил бинтов, антибиотиков в таблетках и ампулах. Ограбление завершил тем, что закинул в пакет одноразовых шприцев.

Взгляд упал на обесточенный холодильник, в темноте утробы которого просматривались пластиковые бутылки с водой. В животе заурчало и засосало. Я долго загонял свои потребности в дальний угол сознания, уделяя внимание насущным проблемам, но вот сейчас ощутил, что если не попью, то прямо тут и свалюсь. Открыл бутылку минералки без газов и надолго припал к горлышку.

Выпил больше половины полулитровой тары и не напился. Добил бутылку, а потом и ещё одну. Вот это меня придавило сушняком! Открыл ещё одну бутылку и сделал несколько глотков, задумался.

Зомби, монстры, срубленные шашкой головы, истерящая Аня, мёртвый Василий Петрович, скачущий по четырёхполосной автодороге и жрущий людей монстр... Всё это здорово напоминало безумие. Может и правда у меня сломалась кукушка? Белая горячка? А какая разница?

Где-то, когда-то я слышал, что психи не сомневаются в собственной нормальности. Успокоив себя таким нехитрым способом, задумался, а что если всё происходящее вокруг правда? Тогда в моей помощи нуждается тяжело раненый. Необходимо брать руки в ноги и возвращаться на квартиру к Аксинье. Закинул в другой пакет восемь самых больших бутылок и решил возвращаться. Снова выпил бутылку воды, пытаясь заглушить лютую жажду, от которой лишь на короткое время спасала поглощаемая жидкость. Голова, немного отпустившая после принятия двухсот пятидесяти «Столичной», снова не на шутку разболелась.

Отяжелевший я выбрался на улицу и уже тут меня поджидал мертвяк, но не медленный, а сорвавшийся в спринт при первом же моём появлении. Нас разделяло больше двухсот метров, так что успел бросить пакеты и выхватить шашку. В отличие от остальных зомби этот субчик пробежал все двести метров и в финале не запыхался, как этого можно было бы ожидать, а ещё больше ускорился. Шашка и в этот раз не подвела. Мертвяка здорово болтало из стороны в сторону, примериться не получилось, однако, я всё равно не промахнулся.

Удар не получился таким красивым, как предыдущий. Лезвие клинка вошло в череп со стороны височной кости и этого хватило.

– Где ж ты штаны потерял? – задал я вопрос в пустоту.

Внимание привлекло полное отсутствие штанов, белья и обуви. Выше пояса сохранились рубашка некогда светлая, а сейчас в край замурзанная и полуистлевшие остатки серого шерстяного пиджака. Не заметил, как увлёкся изучением дохляка. Коленные суставы распухшие из-за чего крепкие мышцы ног кажутся несолидными. Остальные видимые суставы претерпели схожие метаморфозы. На руках и ногах ногти превратились в уплощённые толстые когти.

Остриём шашки приподнял губу. Зубы самые обычные. Глаза... Глаза уже слабо напоминают человеческие, главным образом из-за выражения лютого голода.

Прямо как у меня с жаждой! Вернулся в аптеку и добыл себе ещё одну бутылку воды, на этот раз маленькую. Врага нужно знать в лицо. Заставляя делать себя мелкие глотки, продолжил неприятный осмотр тела мертвяка.

На затылке у него имелся странный и явно чуждый нарост, словно половинка головки чеснока. Кожа имеет неприятный и неестественный серый цвет, словно мужика без штанов припорошило цементной пылью.

Обтёр клинок об выдавшие виды остатки шерстяного пиджака и вернул шашку в ножны. Подхватил пакеты и двинул на квартиру доброго доктора, стараясь не шуметь и крутя головой вокруг, чтобы не пропустить опасность. По пути мой разум пытался осмыслить увиденное.

Я уже видел огромного монстра с бегемота, видел урода поменьше и даже убил его. Встречался с обычными зомби, которые не способны выкидывать никаких сюрпризов. Познакомился с мертвяками, которые могут удивить краткосрочным спринтом, и вот сейчас столкнулся с вундеркиндом, способным одолеть без видимых усилий двухсот метровую дистанцию со скоростью чемпиона мира по бегу. Покоя не давали раздутые суставы. Нет, это была не болезнь или что-то типа того, а мутация. Этот шустрый бесштаннный парень собирался вырасти в кого-то большого.

Кроме того, у него не наблюдалось ни капли жировой прослойки, только мышцы и жилы, обтянутые сухой, начавшей сереть кожей. Что это значит? Только то, что все запасы жира меняющийся организм сжёг.

Между тварью ростом под два с половиной метра и все четыреста килограмм массы, облепленной щитками биологических доспехов и тощим без штанов может присутствовать ещё пара-тройка промежуточных разновидностей.

На этот раз бросок на девятый этаж с пакетами дался даже тяжелей, чем когда я тащил крепыша Серёгу в бронике. В висках стучало, кружилась голова, появилась отдышка, а пот заливал глаза. Неужели я траванулся в забегаловке на вокзале?

– Ты вернулся! – вокруг моего возвращения устроила суету Аня, – А что ты принёс?

– Попить, Анечка...

– О! Спасибо! – заулыбалась азиатка, – Так пить хочется!

– Как Сергей? – устало выдохнул я.

– Его шьёт Аксинья...

– Это хорошо.

Я прошёл в комнату. Женщина склонилась над ногой жандарма. От меня не укрылось, что тот пьян в стельку. Понятно. Обезболили, как смогли. Собрал всё ненужное из комнаты. Сапоги, броник, шлем, разрезанные штаны, разгрузку, пистолет-пулемёт и пистолет, рацию с видеорегистратором не забыл.

– Я тут принёс кое-что... Посмотрите, может что-нибудь из медикаментов пригодится.

Она бросила взгляд на содержимое пакета и кивнула мне.

– Вы молодчина, – похвалила она меня равнодушным голосом, – Я сейчас занята. Посидите на кухне пока.

Я пожал плечами и развернулся на выход из комнаты.

– Спасибо вам, Илья! – раздалось мне вслед.

– Пожалуйста. Чего уж там, – бросил через плечо, – Это вам спасибо, Аксинья. Не знаю, чтобы я делал с Серёгой, если бы не вы.

На кухне было свежо, но не холодно. То, что нужно. Освободил стол от скатерти и разложил на нём все наличные стволы.

КЗ-12 и два с половиной магазина к нему. Шестизарядный револьвер «Носорог». Два пистолета-пулемёта «Гепард», к ним четыре с половиной магазина, уж очень много жандармы расстреляли. Оба парнишки очень молоды. Видимо, поэтому их и придали в усиление опытному городскому. В кобурах у жандармов были семнадцатизарядные пистолеты Ярыгина. В дополнение к впечатляющему арсеналу на стол легла шашка. Я осмотрел всё это богатство и тяжело вздохнул.

Итак, что мы имеем? Негусто. «Гепарды» может, хороши тем, что переделаны из известной по всему миру штурмовой винтовки от Михаила Калашникова, неприхотливой, простой и функциональной. Ещё лучше то, что они всеядны.

Глава 6

Разобрал и осмотрел один из «Гепардов». Заметил – мои руки дрожат. Алкоголь или отравление тут были уже явно ни при чём. Навалилась слабость и головная боль. Это от волнения меня трясло. Казалось, ещё немного и упаду в обморок. Я не сомневался в правильности своих поступков, как бы то ни было, я смог защитить себя и не только себя. Нас не покусили, это сейчас главное. Нервное напряжение выходило с этим проклятым тремором. Не был я готов к тому, что сегодня на меня начнут кидаться зомби. Зомби!

Сунул за пояс «Носорог». Пока вся эта свистопляска не закончится, нужно даже по нужде ходить с оружием. Потихоньку выбрался на балкон, подышал воздухом. Город вокруг нас затаился. Сегодня обычный рабочий день. Все как обычно проснулись, улыбнулись и пошли на работу, а те люди, кто остался дома уже смекнули, что творится что-то из ряда вон. Тем не менее никаких монстров или зомби с высоты девятого этажа я не заметил.

Тела Василия Петровича и незнакомого жандарма пребывали в неприкосновенности.

Ещё одна странность – солнце только-только начало подбираться к зениту, хотя мой смартфон упрямо показывал половину третьего.

Постоял ещё немного, подышал. Вроде прочистилась голова немного.

Заглянул в комнату, где оперировала Аксинья, спросил хирурга нужно ли ей что-нибудь. Женщина попросила воды. Принёс ей кружку с минералкой, бутылку оставил у неё. Напился сам. Аня свернулась калачиком на кресле и крепко спала. Будить девочку не стал, тихо прошёл к окнам, выходящим на противоположную сторону дома. Тут тоже не было особых странностей. Однако, с моей точки не видно проспекта. Возможно, все странности там. Посмотрел даже в глазок. На лестничной клетке никого, всё тихо и спокойно.

Света и воды по-прежнему не было. Только в сливном бачке оставалась вода. Пока никто из девочек не додумался нажать на кнопку слива, набрал в уже пустые бутылки ещё и этой воды. В крайнем случае, если прижмёт, можно будет её выпить, а так пусть будет для бытовых нужд. Ставлю сто к одному, что добрый доктор захочет вымыть руки после операции. Ещё раз убедившись, что вокруг нас всё тихо, вернулся на кухню и возобновил осмотр оружия.

Из «Гепардов» можно стрелять любой пистолетной девяткой хоть нашей хоть европейской, даже более мощным девятимиллиметровым патроном, но для этого придётся заменить патронник, а вот ствол можно оставить родной. Наверняка патроны повышенной мощности смогли бы озадачить крупных монстров. И это прекрасно, но имеется у «Гепардов» один большой неустранимый недостаток – сейчас они адаптированы под пистолетный патрон, а это боеприпас маломощный, значит подойдёт только против медленных зомби и себе подобных, то есть людей. На коленке я модифицировать эти пп не смогу, нет необходимых деталей, да и девятимиллиметровых автоматных патронов тоже не имеется.

В том, что люди обязательно начнут создавать проблемы, я даже не сомневался. Это ещё всевозможная шпана знать не знает, что жандармерия и городские остались без связи. Как только эта публика пронюхает, что вокруг уже давно Конец Света, так сразу начнётся мародёрство, ограбления, убийства и изнасилования. Плохо, что городской и жандарм погибли, но я при оружии – это хорошо.

Собрал пистолет-пулемёт и признал его годным. Так поступил с каждым стволом, кое-что почистил.

Мои руки занимались привычной механической работой, а разум, независимо от них, пытался искать выход из ситуации. Вот что прикажете делать? На соседней улице завелись зомби и резвые мертвяки, которые, судя по всему, эволюционируют в крупных и куда более опасных чудовищ. Эти более опасные сейчас возле Петроградского Вокзала. Зачем они там? Это ясно. Мы больше не вершина пищевой пирамиды. Они там жрут нас, то есть людей.

Видимо, пока монстры не съедят большую часть двуногого мяса, нам тут на девятом этаже, опасаться особо нечего. А когда люди на Петроградском и прилегающих торговых центрах кончатся? Что тогда?

Ответ очевиден – нужно быть как можно дальше в этот момент. Потому как, оголодавшие уроды начнут искать спрятавшихся и доедать их. Так, они они могут добраться в своих поисках и до квартиры Аксиньи. Остаться здесь нельзя.

Пожалуй, если бы я был один, собрался и уже двинул куда глаза глядят, лишь бы подальше от охотничьих угодий монстров.

Надо так и поступить, но что делать с раненым? А с Аней я далеко уйду? Далеко или нет, а двигаться нужно. Да и Аксинью бросать здесь совсем не хочется. Женщина предложила помощь, когда вокруг все словно вымерли, а я больше чем уверен, что, кроме неё многие слышали выстрелы и видели, что происходит у них во дворе. Так или иначе, сидеть на месте и ждать в гости серокожих уродов – это заведомо проигрышная стратегия.

Я полазил по кухонным шкафчикам и обнаружил точильный камень и занялся шашкой. Нет, лезвие не затупилось и сияло начищенной отполированной сталью. Клеймо на клинке сообщило мне, что оружие произведено в 1927 году на Златоустовском заводе, и это тоже прекрасно. Кавалерию отменили только в пятидесятых годах, а до этого всерьёз комплектовали лошаdistов длинно-клинковым оружием. Из этого можно сделать вывод, что достался мне не сувенир, которые сейчас штампуют как деталь униформы городских, а самая настоящая боевая шашка из серьёзной качественной стали. Прошёлся по лезвию точильным камнем, добиваясь бритвенной остроты.

Наконец, удовлетворившись заточкой, понял, единственное, что меня не устраивало в этом оружии – длинные ножны колотятся по бедру и норовят с непривычки запутаться в ногах. С этим надо было что-нибудь придумать...

Снял куртку и толстовку. Попробовал приладить ножны за спину. Перемещаться так было намного удобней, но вот скорость выхватывания в этом случае падала. Если вспомнить последнего шустрилу, становится ясно – я бы не успел воспользоваться этим оружием, окажись оно у меня за спиной.

Помудрил и так и сяк с ножнами, пока не пришёл к выводу, что самым оптимальным местом для них как был, так и остаётся пояс, вот только ножны я приладил на самурайский манер. То есть сунул за пояс и зафиксировал их в этом положении, обвязав шнурком. Потренировался. Если приловчиться, можно будет научиться выхватывать шашку с одновременным стремительным ударом.

Пока увлёкся делами, немного забыл о ненормальной жажде, а теперь снова хотелось пить. Я пока не был готов лезть в соседние квартиры в поисках питьевой воды. Но непременно это сделаю, если прижмёт, а сейчас... Мир вокруг изменился, жить по-старому не получится, даже если очень хочется. А значит, настало время для ещё одного рейда. Аксинья сказала, что за углом в переулке находится коммерческий магазин круглосуточной торговли. До сумерек оставалось еще прилично времени, поэтому желательно запасти еды и воды. Особенно воды. Мы на девятом этаже, а водопровод кончился, как и газ в плите.

Прямо на футболку надел бронежилет. Голову защищал шлем. За портупею отправились ножны. Кобуру с ПЯ разместил на боку. По разгрузке рассовал боекомплект, за спину отправил КЗ-12 известный также, как «Мясорубка Злобина», «Гепард» повесил на шею. Перед выходом осмотрел себя в зеркало. Из него на меня глянул небритый крепкий мужик, увешанный оружием с ног до головы. Глаза хоть и обрамляли синяки, сообщавшие всем желающим о вчерашних возлияниях, но в целом во взгляде читалась решимость бойцов, увязших в окопных боях. Заставил себя немного расслабиться, чтобы не закатать пулю первому встречному. Выдохнул и выдвинулся из квартиры, чутко прислушавшись и внимательно разглядев лестничную клетку в глазок.

Вышел и начал спускаться по лестнице, ступая, как можно тише. Курильщика я унюхал ещё на шестом этаже, а встретился с ним на третьем. Сказать, что лохматый мужик в трениках и майке-алкоголичке охренел от моего воинственно-махновского прикида, ничего не сказать. Забрало шлема надёжно скрывало мои глаза. Из-под него торчал только широкий небритый подбородок с начавшей сесть трёхдневной щетиной. Я прошёл мимо, а он вжался в угол, начиная понимать то, что я осознал чуть раньше. Мир изменился и далеко не к лучшему.

– Бросай курить, – посоветовал я ему, спустившись на пролёт, – Разве не слышал, что курение убивает?

– Эээ... С-слышал.

– Вот, и бросай, пока не убило.

Во дворе всё по-прежнему было тихо, но со стороны Петроградского раздавались приглушённые выстрелы, в которых я опознал жандармские трещотки, близнец которых, висел у меня на шее. Ещё с той стороны поднимался столб жирного дыма от небольшого такого пожара. Нам туда точно не надо! Вновь встретиться с нервными служителями Фемиды? Как я им объясню откуда у меня шлем и их штатный бронежилет? Да, и скорей всего объясняться придётся, только в самом оптимистичном варианте развития событий. Если у них там война, могут и просто грохнуть. В жандармерии служат такие же люди, как и все мы, а люди могут оказаться нервными или просто взвинченными.

Тяжело вздохнув, направился к указанному переулку.

В переулке царил замогильная тишина. Круглосуточный магазин увидел сразу, хозяин не поленился оформить угловой вход так, чтоб его было видно с разных сторон. Не супермаркет, не торговый молл, а самый обычный небольшой продуктовый магазин, где заурядный бюргер покупает хлеб, молоко, колбасу, пиво, презервативы или пачку сигарет. Да, в таких круглосуточных магазинах цены дороже на копейку, но тащиться в супермаркет ради мелочей, лениво.

Подходил осторожно ступая, жмясь к стенам. Однако несмотря на многообещающую вывеску он был закрыт. Какого черта!? Каково же было мое удивление, когда выглянув за угол на другую улицу я увидел разбитую витрину. Хорошие герои всегда идут в обход. Не испытал никаких неудобств, перемахивая сквозь широкую пустую раму окна и оценивая обстановку.

В магазине царил невообразимый хаос. На этой точке я не был первым, на что указывали полупустые полки и валяющиеся прямо на полу всевозможные вкусняшки. Например, чипсы приятно погрызть под пиво, смотря кино, но после Конца Света кому они нужны? Наестся ими не получится, пачка очень громко шелестит, что сообщает другим голодным, серокожим товарищам где ты присел перекусить. Кроме того, от чипсов очень хочется пить, а жажда и так достаёт. Схватил первую попавшуюся бутылку и напился, захлёбываясь от жадности.

Соорудив сдвоенные пакеты из пачки, стыренной около кассы, осторожно нагрнул в один пластиковых бутылок с водой без газов и закинул туда же два блока сигарет. В квартире у Аксиньи на балконе видел пепельницу с несколькими окурками. В другой пакет стал укладывать разнообразные консервы и не успевшие оттаять полуфабрикаты из заглохшего холодильника, в основном это были замороженные открытые пироги типа киш. Чтобы не выдать себя звоном стекла, в заключение закинул в разные пакеты бутылку коньяка и вина.

Обратно шел, обвешанный пакетами с едой как жадная пенсионерка на стероидах, возвращающаяся с халявой из собеса.

У подъезда на лавочке сидела бабушка. Самая обычная худенькая бабулька. В косынке, солнцезащитных очках и пальто. Хотя погоды стояли такие, что невольно задумаешься о возвращении бабьего лета.

– Здравствуйте! – поприветствовала она меня неожиданно красивым звучным голосом, вероятно признав во мне соратника по продуктовым рейдам.

– И вам здравствовать! – преувеличенно бодро ответил я.

– Ходила хлеба купить в магазин за домом, так закрыто там...

Бабушке хотелось поговорить, но меня подташнивало, и болела голова и шла кругом от монстров и мертвяков.

– Никуда не ходите, – скупое ответил я, – Закройтесь у себя, ведите себя тихо и незнакомым не открывайте. Вот...

Я достал из пакета бутылку воды и несколько консервов.

– ... Это вам. Вы же в нашем подъезде живёте? Скажите номер вашей квартиры, я зайду проведать вас завтра или послезавтра.

Глава 7

– Я в 213-ой живу. Спасибо вам, – оторопело поблагодарила меня пенсионерка, – А что вообще происходит?

– Всё потом, – преувеличено сурово отмахнулся я, – Сейчас тороплюсь. Загляну, всё расскажу...

«Если сам не заурчу к этому времени», – мелькнула в голове мысль.

– Самое главное, запритесь, никуда не ходите, ведите себя тихо, вечером плотно занавесьте окна, не зажигайте свечей. На улице очень опасно, – закончил я с внушениями и тяжело закинул рюкзак на плечи, – Всё поняли?

– Да, но...

– Идите домой, гражданка!

Я решительно развернулся и зашагал в подъезд. Это было ожидаемо, бросок на девятый этаж по ступенькам вымотал меня ещё больше, чем в прошлый раз. Вошёл в квартиру и обессиленно сел в прихожей. Из коридорчика на кухню выглянула заспанная азиатская мордашка. Аня, увидев меня, разулыбалась, вызвав у меня невольную ответную улыбку, но отчего-то глаза в этот момент увлажнились. Так... Что-то я совсем с этими бабами расклеился. Отставить себя жалеть, фельдфебель!

– Илья пришёл! – радостно сообщила она кому-то на кухню.

– Уж полночь близится, – ухмыльнулся я, – А Германа всё нет!

– И принёс два больших пакета, – сказала она важно вдогонку, – А кто такой Герман?

В ответ из кухни не раздалось ни звука.

– Это из «Пиковой Дамы». Потом расскажу, – устало махнул рукой я и сменил тему, – С папой разговариваешь? Брось это дело. Цепляй добычу и тащи на кухню, боец.

– Нет, папа спит ещё. Я не боец, – доверчиво сообщила мне девочка, – Я принцессой всегда хотела быть...

– Здра-а-вствуйте! Хорошенькое дело! – удивился я, – В моём отряде все бойцы, места в боевом расписании для принцесс не предусмотрено.

Девочка удивлённо моргала.

– Так как нам быть с этой коллизией, боец? – улыбнулся девочке слипшимися пересохшими губами.

– Не знаю...

– То-то и оно, я тоже не знаю, – в ответ оставалось только согласиться, – Как там Сергей?

– Хорошо...

– Вот, прямо хорошо? – устало стаскивая шлем, поинтересовался у девочки.

Ясно, что лучше говорить с доктором, но звук человеческого голоса ласкал мне слух.

– Аксинья зашила его ужасные раны, а бинтовать я помогала, – похвасталась гордая собой Аня, – Он спит сейчас.

– Спит – это очень хорошо, – прикинулся Капитаном Очевидность я, – Спит – значит, выздоравливает.

Я вошёл с рюкзаком на кухню и сгрузил его на пол, встретившись взглядами с хирургом. Женщина сидела на табуретке и молча курила в открытую форточку.

Я мужик и не простой мужик, а мужик категорически холостой. Мне нравится вызывать у женщин симпатию. Аксинья показала своё отношение ко мне одним взглядом. Знаю, что я не предел женских мечтаний, но зачем так сразу-то?

Жаль, очень жаль! Потому что, у Аксиньи есть всё, чем нужно гетеросексуальному мужчине. Ноги, попа, талия, бюст, смазливая мордашка и интеллект... Ум в женщине это всегда привлекательно.

Яркие зелёные глаза контрастируют с тёмными волосами, которые, в свою очередь, выигрывая, смотрятся с её гладкой и молочно-белой кожей.

И этой нежной кожи очень много на виду. Она сняла оранжевую худи и джинсы, оставшись в домашнем топике и коротких велосипедных шортах. Не одежда, а так... символический фиговый листочек. Дань приличиям.

– Привет, – немного растерялся я от открывшихся видов, – Еды принёс.

– Привет.

Всё. Сказала и отвернулась от меня. Эмоций ноль. Я пожал плечами. В общем-то, в этом деле интерес должен быть взаимным, если такого нет, то и биться в закрытые ворота смысла не имеет. Себе дороже выходит.

Выгрузил консервы на стол. Аня принесла пакеты с водой. Выудил оттуда блоки сигарет и бутылки с алкоголем.

– Штопор в столе.

Наша хозяйка указала взглядом в каком ящике лежит нужный инструмент. Через минуту открыл бутылку и налил в кружку, подал Аксинье. Себе открыл бутылку минералки и осушил её сразу на треть.

– Плохо? – равнодушно поинтересовалась женщина.

– Плохо, – согласился я, – Похоже, что я становлюсь зомби.

– Решил, если прибукнем, то процесс веселей пройдёт? – даже не улыбнулась, а изобразила намёк на улыбку она.

– Боюсь, если не накачу грамм сто пятьдесят перед сном, – признался я, – Будут упыриные рожи мерещиться.

– Много их там?

– Слава богу, на этот раз не встретил ни одного зомби.

– Это не зомби, а заражённые, – Аксинья достала из пачки ещё одну сигарету и щёлкнула зажигалкой, – Почему ты решил, что ты превращаешься в заражённого?

Вопрос был так равнодушно и скептически задан, что я снова растерялся и не нашёлся что ответить.

– Можно я покушаю? – подала голос Аня.

– Конечно, Аня. Хлеб в хлебнице, – пояснила слегка потеплевшим голосом хозяйка, – Вилка, нож, открывашка в столе.

Аксинья отпила вина, выпустила струйку дыма в форточку.

– Так, почему вы думаете, что перерождаетесь?

– В тот раз в аптеке накатила такая хажда, какую я никогда не испытывал. К тому же мне нехорошо, – признался я, – Болит и кружится голова, до нашего этажа еле добрался, и пить все так же хочется постоянно, живот крутит.

– Это симптомы спорового голодания, – пояснила хирург спокойным голосом, – Немного странно, почему оно у вас так проявилось, мне, например, только чуть больше хочется пить...

Всякий раз, когда сталкиваюсь с неизвестным, напрягаюсь, и сейчас напрягся. Аксинья имеет медицинское образование, если так ловко зашила Сергею ногу, значит, знает, что говорит.

– У меня тоже голова болит, – пожаловалась Аня, – И сильно хочется пить и спать.

Хозяйка квартиры задумчиво посмотрела на девочку.

– Расскажите подробнее, – попросил я Аксинью, прикладываясь к горлышку пластиковой бутылки, – Что ещё за споровое голодание? Первый раз такое словосочетание слышу.

– Хотите, вкачу укол обезболивающего? Вы столько натащили разных медикаментов, что нам на несколько недель вперёд хватит, – внезапно предложила она, – Должно голову отпустить на какое-то время.

– Конечно, – согласился я, – Давайте.

Через минуту мне сделали укол, а ещё через две минуты мне уже полегчало настолько, что мог без боли смотреть на белый свет.

– Так, что там со споровым голоданием? – повторил я свой вопрос, появившись на кухне, – Где Аня?

Ани не было, а хирург молча пила вино.

– Она хотела спать. Поставила ей укол обезболивающего и уложила. Пусть спит ребёнок.

– Пусть спит.

Согласился я, размышляя, что лучше ей быть выспавшейся, потому что в ближайшее время может потребоваться быстро уходить и уходить пешком. Пешком по улицам города, наполненными монстрами и зомби.

Мои тяжёлые размышления прервала эта необычная женщина:

– Все мы попали в другой мир, когда увидели туман и почувствовали неприятный запах, вроде того как пахнет кислота. В этот момент мы все были инфицированы спорами. Через несколько дней будет ясно, кто из нас иммунный, а кто нет. Иммунные останутся разумными людьми, все остальные превратятся в заражённых, вроде тех в которых вы стреляли из пистолета. При хорошем питании они превращаются в развитых заражённых, вроде того, который убил за секунду двух вооружённых мужчин.

– Пистолет травматический...

– Неважно, – равнодушно оборвала меня врач, – Они не сильно от людей ещё отличаются.

– То, что мертвяки развиваются и мутируют, я уже и сам понял, когда встретился с промежуточной формой, что со споровым голоданием. Как от него избавиться?

– Они заражённые. Не мертвяки и не зомби, – поправила меня брюнетка, – Они дышат, у них более высокая температура тела и... Они развиваются.

– Да, всё равно, – отмахнулся я, – Вы поняли меня. Так как избавиться от спорового голодания?

– Никак, – отрезала Акси́нья, – Мы все заражены. Лекарства нет. Споры, которые нас инфицировали, не обходят никого своим вниманием. Споровое голодание возможно только притупить на время. Тем, кто окажется иммунными, с ним придётся жить остаток жизни.

Женщина закурила третью сигарету и протянула кружку, чтобы ей налили ещё вина. На этот раз я не поспешил. Начала раздражать её манера подачи информации. Голова и правда почти перестала болеть, а вот жажда, казалось, только усиливалась, но я не давил. Просто сидел и молчал, словно в запасе есть всё время мира.

Осознание конечности моего бытия ко мне пришло ещё в молодости. Мы все умираем – это факт. Вот только некоторые так и не начинают жить до этого момента.

– Споровый голод можно приглушить только особым напитком, – наконец продолжила Акси́нья, – Он называется живун. И готовится из спорана.

– Из чего? – не удержался от вопроса я.

Она вздохнула.

– Это такой продукт, который производят тела заражённых...

– Да, видел я тот продукт, – хмыкнул я, – Ходят с полными штанами того продукта, производят продукт уверенно и огромных количествах. Если из этого продукта нужно готовить микстуры, я пас. Лучше сразу лапы склеить, чем так мучиться.

– Это не смешно, – сурово прервала поток моих сортирных шуточек строгий доктор, – Спораны попадают в споровых мешках, растущих на телах заражённых.

– Дайте угадаю... На затылках? Такие наросты вроде гриба.

Акси́нья кивнула.

– Да, они такие сегментированные и легко вскрываются ножом, – женщина сделала неопределённый жест рукой, – Это всё теория, но там могут находиться ещё горошины и жемчужины чёрные или красные.

– Жемчуг? – удивился я, – Серьёзно? Откуда вы знаете об этом?

Женщина смутилась. Это было первым открытым проявлением эмоций с её стороны.

– Я отнесла вашу ветровку повесить и случайно увидела брошюру в кармане, – опустила глаза она, – Мне стало любопытно и пролиставала, а потом не смогла остановиться.

– Можно взглянуть?

– Да, конечно...

Брюнетка передала мне небольшую книжицу, собранную из обычных листов формата А4, разрезанных пополам и по-простецки скреплённых обычными скрепками из офисного степлера по краю. На иномирный артефакт не тянуло и выглядело совершенно несолидно.

Захотелось сказать пару ласковых доброму доктору и объяснить, куда она может идти со своими неуклюжими розыгрышами. Я даже успел воздуха набрать в лёгкие, но в голове щёлкнул предохранитель, и вспомнилась блондинка с позывным Кали. В особенности её дурацкие предсказания по линиям на моей ладони. Точно! Это она сунула мне в карман. Закрутился и обалдел от потока событий и впечатлений. Простительно. Открыл. Шрифт мелкий, убористый, язык сухой. Вся информация из брошюры вошла как в сухую землю.

Спустя минут двадцать я облизал губы, чувствуя, как начинает стучать в висках.

– Давайте попробуем приготовить эту микстуру?

– Так плохо?

Кивнул в ответ.

– Нужен споран...

– Думаю, знаю, где его взять.

– Я поучаствую в изготовлении напитка, но пить пока воздержусь, – ответила мне Акси-нья, – Вдруг и не понадобится.

Теперь кивнул я, понимая, что она имеет в виду, но у меня, похоже, выбора нет. Поверил ли я написанному в самодельной книжице? Только умом. Осознания, происходящего вокруг, пока не пришло. Было стойкое впечатление, что я вижу кино или являюсь жертвой чудовищного флешмоба. Вместе с тем, понимал, что ни один розыгрыш не зайдёт так далеко, чтобы получились настоящие трупы, а мёртвые тела были более чем настоящими. В этом я убедился самолично.

Снова начал собираться. Проводить в коридор вышла хозяйка. На почти раздетую женщину мне было почти физически больно смотреть.

– Возьмите пистолет, – порекомендовал я, – Ходите даже по квартире с ним.

Убедился, что на площадке всё спокойно и вышел туда, опустив забрало шлема, как в открытый космос. Экипировку и вооружение не поменял, только в этот раз вместо пистолета-пулемёта взял ружьё.

На лестничной клетке снова встретился с курильщиком. Он не попытался со мной заговорить, а я не был сейчас настроен на диалоги. Какой смысл знакомиться с кем-либо, если в ближайшие два-три дня или он, или я имеем все шансы заурчать и перейти на мясную диету.

На улице я нарвался почти сразу. Стоило выглянуть из-за пышного куста сирени, как встретился взглядом с неразвитым заражённым, рванувшим ко мне, как только увидел. Выхватил шашку, разогнавшегося мертвяка остановил встречным ударом ноги. Уже привычно свистнула шашка. Дело сделано. Перевернул ногой тело, осмотрел затылок. Ничего чтобы напоминало спортивный мешок. Этот заражённый пришёл не один, а с медленной подружкой, которая уже отвлеклась от трапезы и с урчанием шла ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.